

Костёр

11
НОЯБРЬ
1959

Костёр

11
НОЯБРЬ
1959

Ежемесячный детский журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

ЭТОТ НОМЕР
ПУТЕШЕСТВИЕ
В СИБИРЬ,
НА СЕВЕР
И
ДАЛЬНИЙ
ВОСТОК

*На обложке рисунок
В. Ветрогонского*

*На титуле гравюра
К. Овчинникова*

Моя Сибирь

Казимир Лисовский

Если прошлое вспомнить снова —
Тракт московский, степную ширь, —
Самым страшным, пожалуй, словом
Было имя твое, Сибирь.

Верстовые столбы. Остроги.
И — двуглавая тень орла...
Да, для многих людей, для многих
Злою мачехой ты была.

И нужны были гнев и порох,
Сила ленинской правоты,
Выстрел мужественный «Авроры»,
Чтобы стала иною ты.

И сегодня колхозной новью
Ты встаешь и зовешь в пути...
— Уезжаю в Сибирь! — с любовью
Может каждый произнести.

Едут с песней переселенцы
В Кулунду, Уйбат, на Чулым.
С хлебом-солью на полотенце
Ты выходишь навстречу им.

Ты встречаешь их лаской лета,
А зимою — людским теплом.
Руки жмешь им. И в знак привета,
Как родных, приглашаешь в дом.

Потому, что теперь навеки
Изменились твои черты:
Для советского человека
— Доброй матерью стала ты!

Новосибирск

МОГУЧИЕ ПРОСТОРЫ

«Чудесный край. С большим будущим», — писал о Сибири Владимир Ильич Ленин.

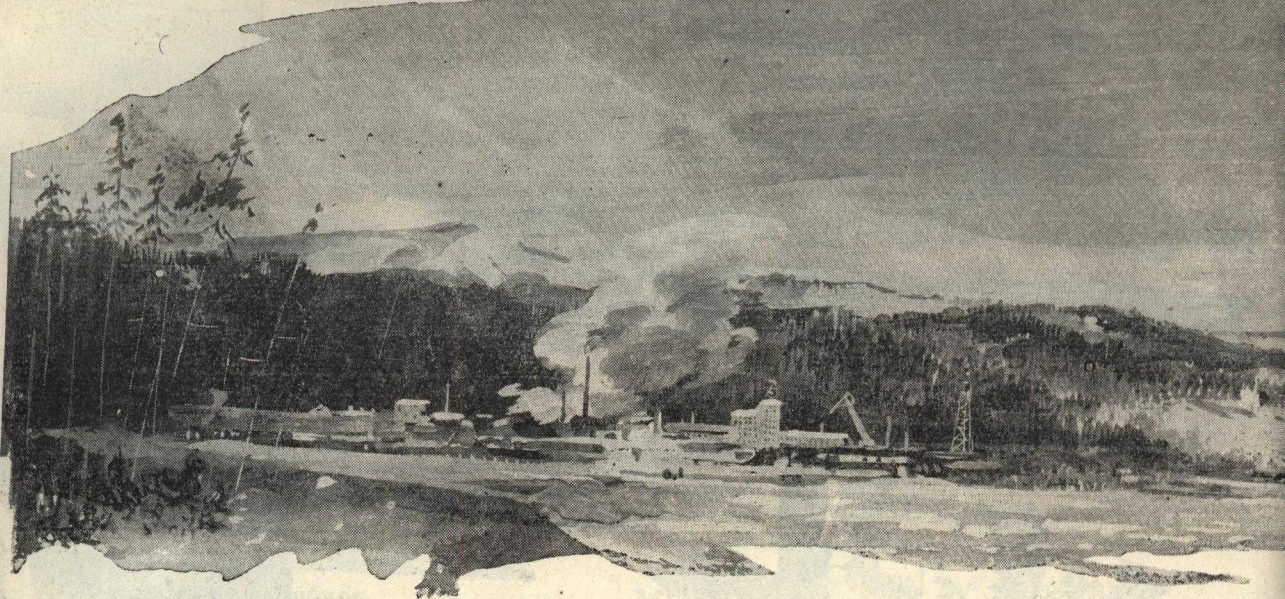
Какая она, Сибирь? Большая или маленькая?

На сибирской земле уместятся двадцать таких стран, как Франция.

Богатая или бедная?

В недрах земного шара лежит 15 триллионов тонн угля. Из них 7 триллионов — сибирские. Сибирь может 15 000 лет снабжать углем электростанции всего мира.

Мы богаты железной рудой. Три четверти наших запасов — в Сибири.

В Сибири и на Дальнем Востоке есть алюминий, никель, медь, кобальт, вольфрам, олово, золото, платина, алмазы, слюда, соль, графит, асбест и многое другое.

Реки Сибири могут дать больше электроэнергии, чем все реки США, Канады и Франции.

Сибирские леса занимают 400 миллионов гектаров. Если погрузить весь сибирский лес на платформы, получится поезд в пятьдесят раз длиннее, чем расстояние от Земли до Луны. И все это — ценные породы деревьев: сосна, ель, пихта, лиственница, кедр.

Обжитая или необжитая?

• Ведь прежде Сибирью пугали людей. Туда отправляли на каторгу. А добывали в Сибири только то, что можно вынести на своих плечах: золото и пушнину.

Советские люди заново открыли Сибирь.

Первыми двинулись в неизведанные просторы топографы и геологи — разведчики недр. За ними шли строители. В глубь земли уходили новые шахты. Вверх подымались стены новых заводов. Строились электростанции, города.

Какая она будет?

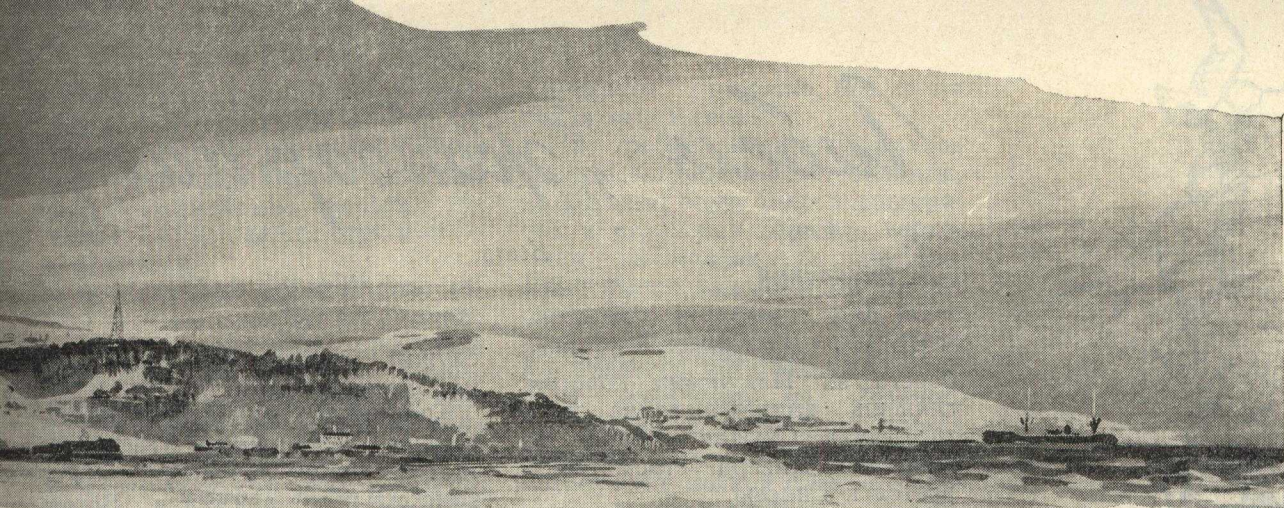
За Семилетку Сибирь станет совсем новой страной.

Сибирь станет краем тяжелой промышленности, краем угля, электроэнергии, металла, химии. Так решил народ, так решила партия.

Половина всего сибирского угля лежит у самой поверхности. Снимите верхний грунт — и берите уголь ковшом экскаватора. Такой уголь в десять раз дешевле глубинного.

Дешевый уголь — дешевая электроэнергия. Возникнут новые тепловые электростанции: Назаровская, Ирша-Бородинская, Итатская... На Ангаре построят Братскую ГЭС. На Енисее — Красноярскую.

Будет много угля, железной руды, электроэнергии. Значит, можно развивать металлургию. У нас есть две базы металлургии — Украина и Урал с Кузбассом. К ним прибавится третья — Сибирь и Казахстан.

Сибирь богата алмазами. Прежде их гранили, шлифовали и получали бриллианты — драгоценные безделушки. Но алмаз должен работать в промышленности: ведь в природе нет ничего тверже алмаза. Резец из алмаза может обработать в 5000 раз больше деталей, чем обыкновенный резец. Недаром добыча алмазов увеличится за Семилетку в пятнадцать раз.

А вот нефть в Сибири еще не нашли. Приходится везти нефть по железной дороге, в цистернах. Но скоро все переменится. Гигантский нефтепровод — в 4000 километров — протянется от нефтеносных районов Башкирии до Иркутска.

В Сибири распашут новые миллионы гектаров целины, проложат новые железнодорожные пути, построят десятки новых городов и поселков. К концу Семилетки Сибирь и другие Восточные районы будут давать около половины всего нашего угля, стали, электроэнергии.

Построят... Проложат... Распашут... *Кто все это делает?*

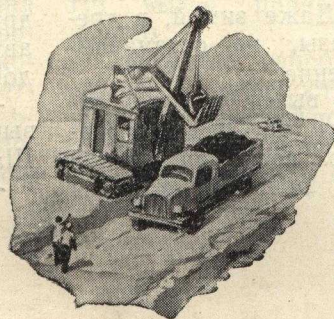
Сотни тысяч юношей и девушек едут в неведомые места. Это умелые и знающие люди с твердой волей и сильными руками. Придет время — вы тоже поедете вместе с ними. Для своего народа, для строительства коммунизма вы добудете богатства сибирской земли.

А она уже сейчас прекрасна. Как сказочный конь, на котором мог усидеть только богатырь, могучая природа Сибири покоряется великим делам советского человека.

Вот она какая, Сибирь.

Чудесный край!

Рисунки Н. Кустова

Гибель „жандарма“

Д. Яблонский

Быль

Рисунки Е. Захарова

Высоки, обрывисты скальные берега за Падунским порогом: глянешь вниз — дыхание перехватывает. Сжатая утесами белопенная Ангара стремительно рвется к Енисею.

У подножья утесов приютились две узенькие дорожки. И, кажется, водный поток вот-вот унесет их в своем бешеном натиске. Тысячелетиями река напрягает свои усилия, и тысячелетиями все так же выются каменистые дорожки вдоль светло-коричневых скальных стен.

Когда-то заплывали острожные казаки из Братской крепости на долбленных стругах за угрюмый Пурсей, собирали ясак с покоренных племен. Возвращаясь с добычей, тянули бечевой тяжело груженные струги, шли, обливаясь потом...

— «Эй, ухнем... еще разик, еще раз!» — заунывно неслоь к вершинам утесов, нависших над головами. Сорвется иногда глыба, похоронят казаки отмаявшегося товарища и снова всей грудью налягут на бурлацкие ламки...

От слова «бечева» и произошло название этой дороги — бечевник. Веками живет оно в Приангарье.

Теперь бечевникигодились строителям. Их улучшили и расширили: другого пути к котловану нет. Везут бетон минские самосвалы. Ярославские лесовозы доставляют для будущей плотины древесину и пиломатериалы. Сотни машин снуют по бечевникам. Даже зимой, в трескучие морозы, не останавливается движение.

За утесами вырос социалистический городок. Он соединен железнодорожной веткой с Братской магистралью. Бечевник как бы

служит продолжением железнодорожного пути.

Крепчайшие диабазовые скалы, трудно поддающиеся бурению, таят страшную опасность для автомобильного движения. Ветры и вода точат утесы, образуют так называемые «живые камни». Содрогнется ли земля от взрыва в котловане, прогремят ли дождевые проливни — в любой момент могут рухнуть «живые камни». Но водители машин и строители спокойны. Движение по бечевникам надежно охраняется. На головокругительной высоте несет трудовую вахту комсомольско-молодежная бригада верхолазов.

* * *

Однажды горный инженер Яшин, начальник участка верхолазных работ, сообщил бригадир Шихову неприятную новость:

— На участке Горина «живой камень». Не поверишь, гигант тонн на сорок, а в объеме кубометров двадцать. Прямо «жандарм» какой-то...

Шихов забеспокоился. Ночь надвигается, риск страшный, в темноте можно потерять человека.

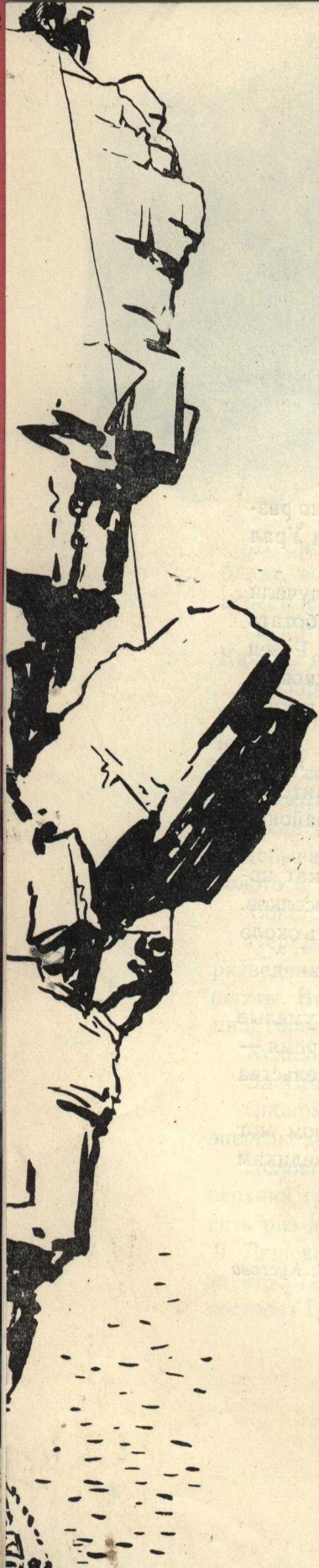
— Сам обследовал?

— Сам. Только сейчас спускался. Опасный камешек. До утра оставлять нельзя. Пойдем поглядим.

Они остановились на крутом обрыве. Внизу, не подозревая об опасности, идут рабочие, один за другим движутся переполненные автобусы. С грузовой машины доносится звонкая песня.

— Крепкая заклепка, не сразу выбьешь, — заговорил наконец Шихов. И добавил, помолчав:

— Сам спущусь.

Возражать не приходилось: ведь никто лучше Шахова не работает нависшую над бечевником исполинскую глыбу. Оставлять «жандарма» нельзя: все равно он дождется своего часа и свалится...

Вот капризы погоды! Еще утром этот участок был совершенно безопасен, а за несколько часов солнце и вода довершили разрушительную работу: треснул диабазовый утес, оттолкнул от себя гигантский обломок...

Яшин положил руку на плечо Шахова.

— Ну что же. В добрый путь, Володя! Пойду, прикажу остановить движение. Когда рассчитае- ваешь?

— Подойдет бригада и начну...

Шахов сел на край обрыва и свесил ноги. Вечерняя тишина настораживала, словно в синю- щем небе таилась какая-то неми- нуемая опасность.

Подошла бригада. Верхолазы окружили бригадира.

— Вот это камешек! Не зря «жандармом» прозвали!

— А может, до утра подо- ждем? — раздался нерешитель- ный одинокий голос.

— Нет, нельзя, уже движение перекрыто, ночная смена у шлаг- баума, — быстро возразил кто-то. Бригадир узнал верхолаза Дол- гова.

Всем было ясно, что ждать нельзя. Глыба торчала на сере- дине утеса, метрах в восьмиде- сяти от земли. Отсюда, с обрыва, все хуже становилось ее видно. Верхолазы ждали, что скажет бригадир.

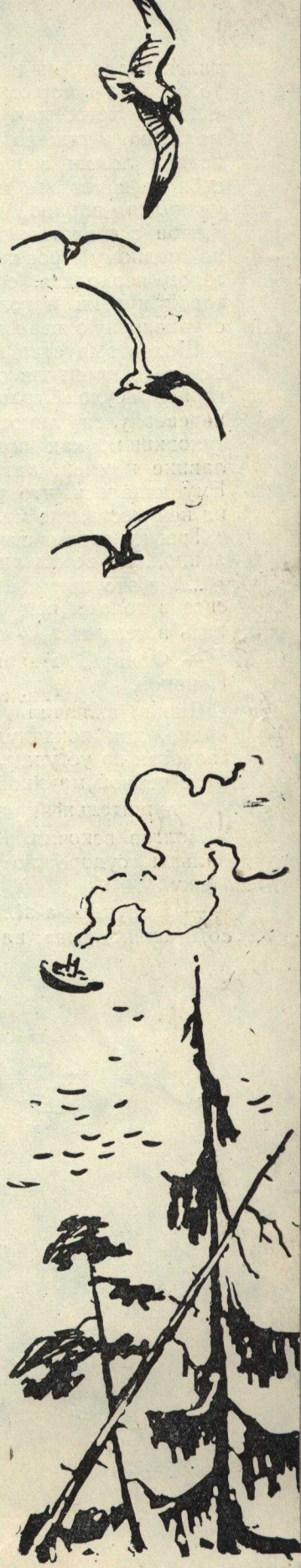
Шахов старательно застегнул на все пряжки широкий брезен- товый ремень, щелкнул караби- ном, проверяя его надежность, подошел к краю обрыва и улыб- нулся. Не спеша, он стравил тросик, свитый из медных про- водов, и проследил, как его ко- нец лег на отполированную вет- ром круглую вершину «жандар- ма», проверил запасную капроно- вую веревку и стал спускаться.

Спускался осторожно, все время глядя перед собой.

На гребне скалы воцарилась тишина. Сгрудившись у обломка, на котором были закреплены тро- сик и страховая веревка, верхо- лазы наблюдали за спуском. Ярко пылал над Ангарой костер, около него толпились люди, поне- воле находившиеся в бездействии и с тревогой глядевшие на смель- чака, повисшего над бездной. У опущенного шлагбаума стояла длинная вереница грузовиков и автобусов с ночной сменой. С бечевника глухо донеслись автомо- бильные гудки. То гаснущие, то вновь загорающиеся прожекторы автомашин, казалось, торопили: скорее, скорее, время уходить... Но Шахов не терял выдержки. Стараясь не обращать внимания на нетерпеливых водителей, он включил электрический фонарь, закрепленный, как у шахтеров, на каске, и, раскачиваясь под по- рывами ветра, внимательно про- стукал «жандарма», исследовал каждую трещинку. Снизу глыбу поддерживали, словно кронштей- ны, несколько плитообразных камней. Свалить ее сразу, первой, не представлялось возможным. Пришлось спуститься еще ниже и ломиком дробить плиты, ка- ждая из которых весом не мень- ше тонны.

«Жандарм» навис над головой темно-коричневым чудовищем. Раздробленные мелкие камни сы- пались, как горох из разорван- ного мешка, стегали по каске, кремнистая пыль забивала лег- кие, нечем было дышать. Каза- лось, нет спасения: везде лавина камней, везде плотное облако пыли. Терялось ощущение време- ни. Шахову казалось, что скала, налитая зловещей чернотой, плы- вет где-то, и он с ней плывет, медленно и мучительно долго... Но вызов принят, отступать поздно...

Сдерживая озноб, стараясь не думать об опасности, Шахов пе- реждал каменный поток. Изредка отдыхал, приваливаясь спиной к утесу, закрыв глаза. Пот ка-

тился градом, ныла ушибленная рука. Каким-то особым чувством Шахов уловил мгновение, еще до того, как «жандарм» ожил, и стал медленно и тяжело сползать. Уловил и быстро всадил ломик в щель, потом рванул его на себя, и в тот же миг, оттолкнувшись ногой, качнулся вправо, уцепился рукой за куст. Глыба с грохотом ринулась вниз, скользнула по медному тросику, пролетела вплотную с телом верхолаза, сорвала рукав его брезентовой куртки и голенище валенка, срезала страховочную веревку.

Шахов выпустил куст и повис над бездной. Все тело пронзила острая боль. Во рту стало горячо и сухо. Страшным напряжением сил он перевернулся лицом вниз, перегнулся всем туловищем, как подкова, подставляя спину лавине камней, катящихся за «жандармом». Ему казалось, что рушится вся земля и нет на ней места, где можно было укрыться.

Треск и грохот стихли внезапно, так же внезапно, как возникли.

...А в это время верхолазы на краю гребня, свесив головы над бездной, зорко всматривались в темноту.

— Фонарь, фонарь погас! — вдруг крикнул Кононов.

Яшин включил прожектор. Стало ясно видно, как покачнулась, осела глыба и, загрохотав по уступам, пронеслась в дымящейся мгле черной махиной.

Оглушительный удар потряс весь утес.

Долгов вскочил. Кровь отхлынула от щек, пальцы судорожно ощупали запасную веревку.

— Полундра-а-а!.. — закричал он. На высоте «жандарма», на уровне шестидесяти мет-

ров, обрезало страховочную веревку. Он вытянул перерезанную камнем веревку, надел каску, туго застегнул под подбородком ремешок.

— Разрешите мне, товарищ начальник?

— Гляди в оба, будь осторожен.

— Слушаюсь!

— Рукавицы-то, рукавицы! — крикнул вдогонку Яшин, но Долгову было не до этого.

Сдирая кожу с ладоней, он ринулся вниз. Рядом в плечо ударял трепещущий натянутый тросик, заменявший перильную веревку Шахова. «Значит, жив Володя, борется изо всех сил. Ух и молодчина!» — успокаивал себя Долгов.

Долгов рвался вперед, забывая о кровотокащих ладонях, о подстерегавшей его опасности: подхватит ветер, закружит, ударит об утес.

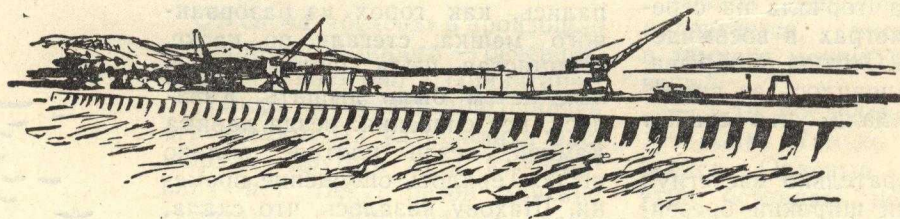
И чем ниже спускался он, тем яснее проступали силуэты глыбы, лежащей на краю бечевника. В белесой мгле блеснули слабые прожекторные огни. Они осветили изгибы нависшего над бечевником утеса. Осветили и погасли. Сквозь ураган донеслись автомобильные гудки, рокот моторов, — значит, движение по трассе возобновилось...

И вдруг в нескольких метрах от себя Долгов увидел Шахова, висящего с безжизненно опущенными руками. Долгов ловко обмотал товарища страховочной веревкой и дал сигнал к подъему.

Придерживая отяжелевшее тело, чтобы оно не ударились о выступающие карнизы, верхолаз упорно, метр за метром, стал подниматься к гребню утеса.

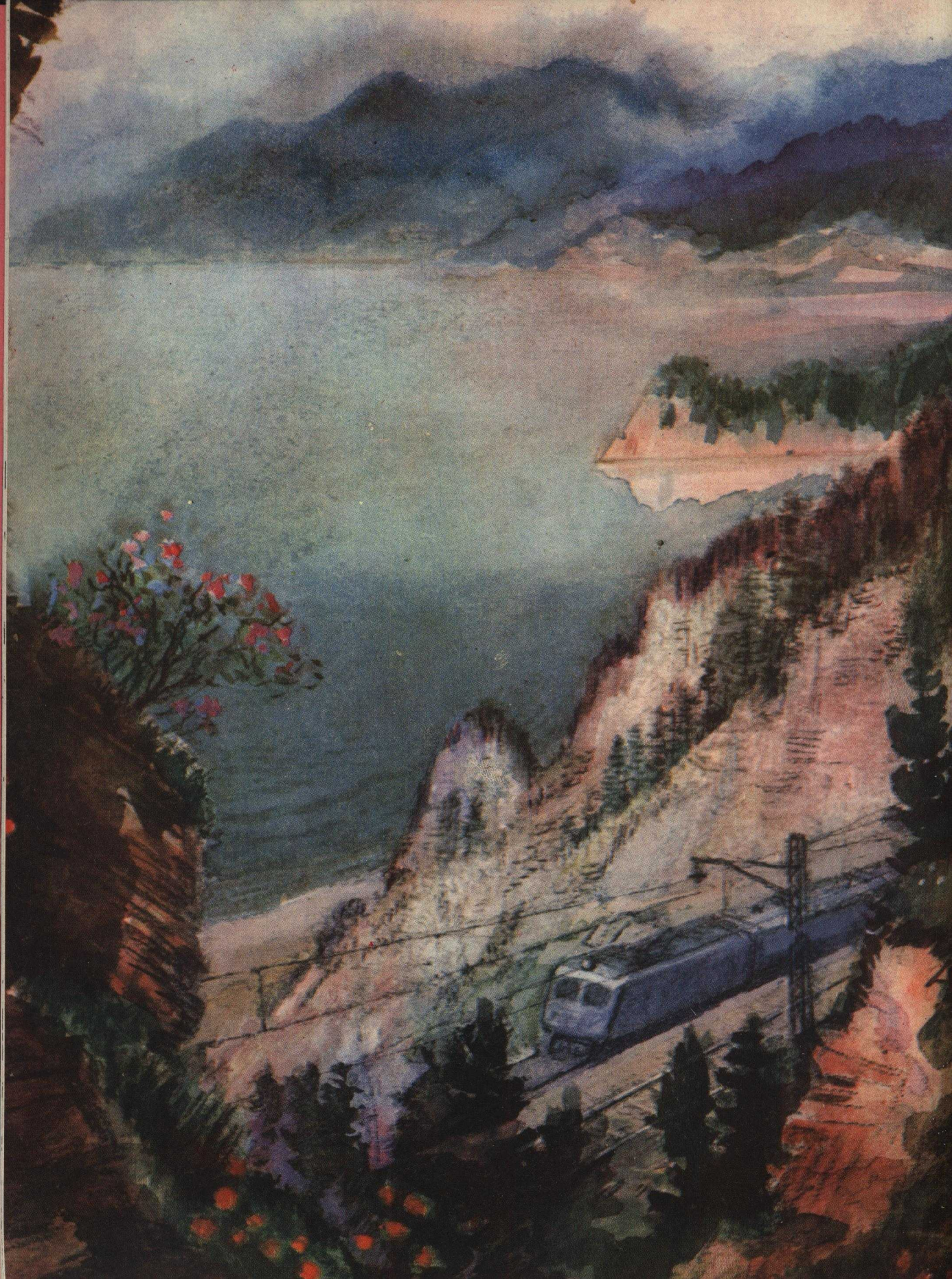
...Казалось, прошла вечность, пока измученные ожиданием верхолазы увидели Долгова. С ним был и Шахов.

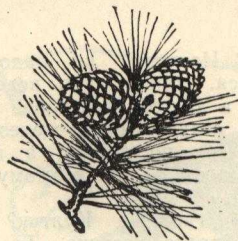
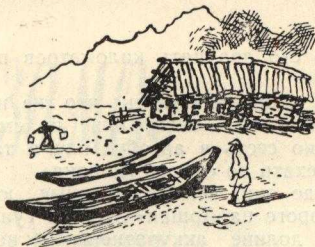
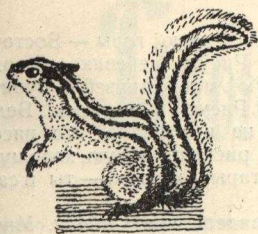
Братск

На вклейке рисунок Г. Праксейна „Перекрытие Ангары“.

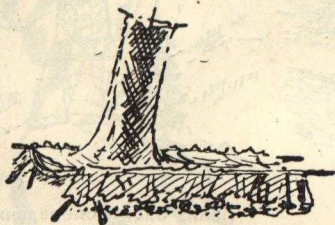
НА БАЙКАЛЕ

А. Якобсон

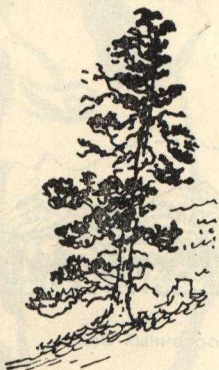
Все началось с бурундука.

Приехал из Сибири знакомый геолог и привез мне подарок: живого бурундука. И как только я увидела своего полосатого земляка, так и зашумела по родным местам. Ведь я сибирячка, а в Сибири не была уже лет двадцать.

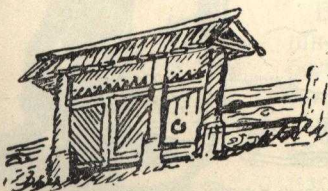
Я достала свои старые альбомы с сибирскими зарисовками, и весь вечер мы с геологом их рассматривали. Вот Байкал с его гористыми берегами, с острыми мысами. Вот старый Култук — поселок рыбаков и охотников...

Невод сушится

Кедр — гордость Сибири

Старые ворота

Геолог ушел. А я посидела, посидела, — и давай собираться в дорогу.

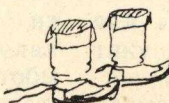
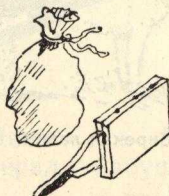
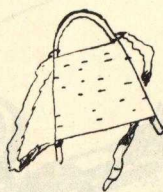
Дорога нелегкая. В последний раз от Москвы до Иркутска я ехала целую неделю. В Иркутске надо было пересаживаться в другой поезд. Этот шел по берегу Ангары, а потом вдоль Байкала — через тридцать семь туннелей. Бывало, что с горы обрушивались камни и загораживали путь. И поезд стоял.

Сколько всего надо было брать в дорогу! Рюкзак с сухарями, ичиги — сапоги с мягкими подошвами, для всего прочего — поняга, дужка, обшитая берестой, с мягкими ляжками. В ней что хочешь унесешь.

А как же теперь? Пожалуй, мне уже столько не снести...

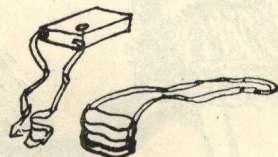
Наутро пришел геолог, увидел мою поклажу и засмеялся:

— Это все лишнее. Теперь не надо...

Рисунки автора

И сам собрал меня в дорогу. Получилось:

Этюдник.

Фотоаппарат.

Альбом.

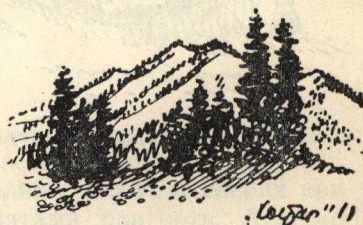
Авторучка.

Самый маленький термос.

Все уместилось в пионерский рюкзак. Легко и удобно.

Так началось мое путешествие по старым местам. Только эти старые родные места оказались новыми и неожиданными.

Путь до Иркутска занимает один день: теперь туда летит самолет. Все-таки я выбрала поезд. Он хоть и пять суток в пути, зато можно по-

смотреть дорогу. Я смотрела в окно и делала быстрые наброски авторучкой.

Вот Урал. Горы.

За Уралом — новые пшеничные моря.

Новые города, поселки.

В Иркутске не надо пересаживаться. Наш состав ведет электровоз, а другой электровоз толкает состав сзади. Новая железная дорога идет не по берегу, а высоко над Байкалом, по самому горному хребту.

А где же Култук? Он тоже перебрался повыше. Да он ли это? Неужели эти новые дома — Култук?

Интересно, что же делается в Аршане? Говорят, там большой курорт? Только как туда добраться? Пройду

ли я сто двадцать километров пешком?

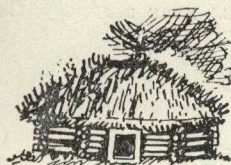
И снова оказалось, что не надо волноваться — смогу или не смогу. Можно сесть в автобус или в такси и доехать до самого Аршана.

Где они, черные дымные юрты по дороге на Аршан? Стоят в Тункинской долине аккуратненькие новые домики, магазины, школа. На месте вытопанной скотом земли — хлеба. В Бурятии поднято немало целинных земель.

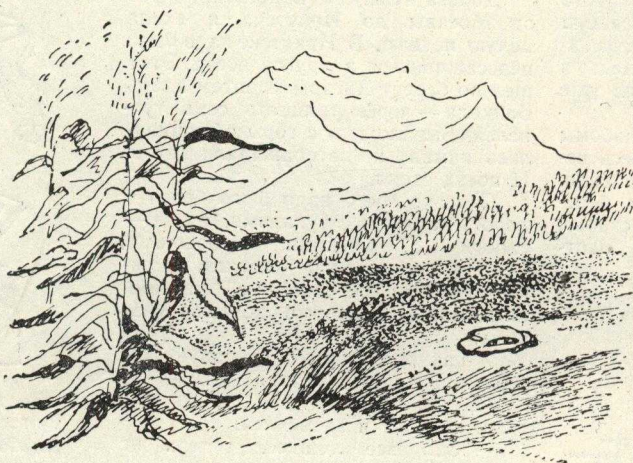
Посмотрела я на все это — и ста-

ла рисовать. Рисую горы — Восточный Саян. Рисую деревню — Хоря-Хобок. Рисую моих друзей — бурятских ребят. Рисую и радуюсь. Ведь художнику не все равно, что рисовать. Когда рисуешь новую, хорошую жизнь на старых местах, — ты и сам счастлив.

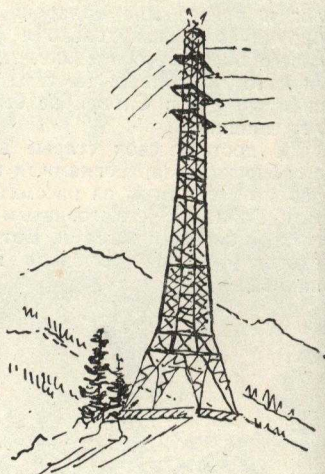
Многое видела я в Сибири. Много можно было бы рассказать. Но я не писатель, и рассказывать мне трудно. Я — художница. Мое дело — рисовать. Вот они, рисунки, — смотрите.

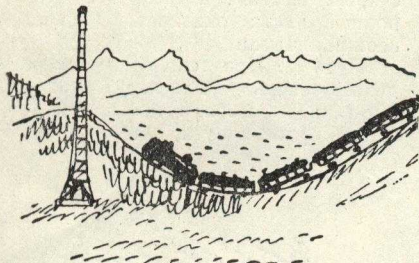
Старая Бурятия

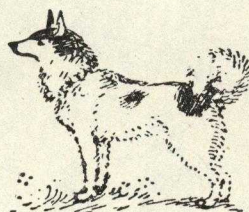
Хорошо кукурузе в Сибири!

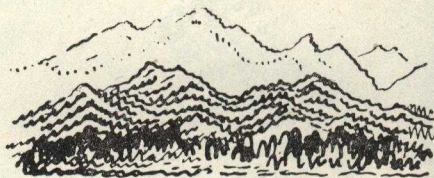
Линия электропередачи

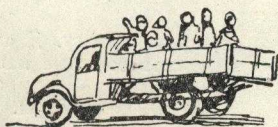
По самому горному хребту

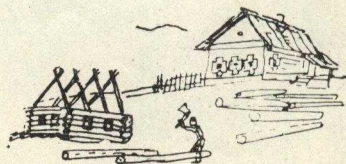
Сибирская лайка

Восточный Саян

Теперь на машине едем!

Новый Култук

Главный экзамен

Вячеслав Тychинин

Рисунки Р. Фридмана

Колхозный гараж в Большой Елани начали строить ранней весной, когда снег обтаял на южной стороне крутояра. Плотники работали быстро. Крупные пахучие щепки так и брызгали из-под топоров. Тяжелые бревна плотно ложились одно на другое, и скоро желтый лиственничный сруб поднялся под крышу. А еще через неделю в широкие ворота гаража въехали два новеньких зеленых грузовика Горьковского автомобильного завода. Богатый сибирский колхоз купил их на деньги, вырученные от продажи молока.

С этого дня Леша Скрипкин потерял покой.

Возвращаясь из школы, он делал большой крюк, чтобы заглянуть в окна гаража. Дома глотал, обжигаясь, борщ, наспех готовил уроки и опять натягивал пальтишко.

— Ты куда, Лешка? — строго спрашивала бабушка. — Уроки все выучил?

— Я на часок только, — уже в дверях кричал Леша, — с ребятами поиграть. Арифметику вечером сделаю.

— Гляди, долго не мотайся, — сердито наказывала бабушка. — Совсем от рук отбился, безотцовщина.

Но Леша уже не слышал. Перескакивая через грядки, через жердяные заплоты огородов, он напрямик мчался к гаражу.

К концу дня возвращались машины. Пер-

вым всегда подлетал Степан Березкин. Бывший танкист, он не признавал медленной езды. Его грузовик, разбрызгивая грязь, подсакивал на ухабах, круто разворачивался у самого гаража и, визжа тормозами, останавливался как вкопанный. Распахнув дверцу, Березкин спрыгивал с подножки, ударял ногой по тугим шинам, бегло осматривал рессоры и, поставив машину в бокс, насвистывая уходил домой.

Только через полчаса, а иногда и позже, показывался второй грузовик. В нем сидел за рулем Федор Егорович Титов, пожилой вдовец, сосед Скрипкиных. Осторожно объезжая ухабы, Федор Егорович останавливал свою машину около заправочного пункта и неторопливо выбирался из кабины. Леша стремглав кидался к нему.

— Дядя Федя, я вам заправлю машину. Можно?

В первый раз Титов недоверчиво оглядел маленькую, коренастую фигурку.

— Мал еще. Чего доброго, бензином обольешься.

Но когда и, на второй, и на третий день Леша Скрипкин выскочил из засады, где он терпеливо ждал появления машины, Федор Егорович смягчился.

— На, держи ведро. Да шибко не набирай, старик.

Леша давно знал, что когда Федор Егорович в хорошем настроении, он всех зовет «стариками».

Вскоре Титов привык к своему добровольному помощнику. Пока Федор Егорович осматривал шины, копался в моторе, Леша успевал заправить бензином бак по самую пробку, добавить воды в радиатор и проверить уровень масла в моторе. И докладывал шоферу:

— Масла, дядя Федя, в самый раз — уровень.

От мотора приятно веяло теплом, пахло бензином и резиной. Запутанное сплетение проводов, медных трубочек казалось непостижимым только в первые дни. Скоро Леша запомнил названия многих деталей и приборов, которые показывал ему Титов, и бойко отвечал на вопросы.

— Это чего?

— Свеча, дядя Федя.

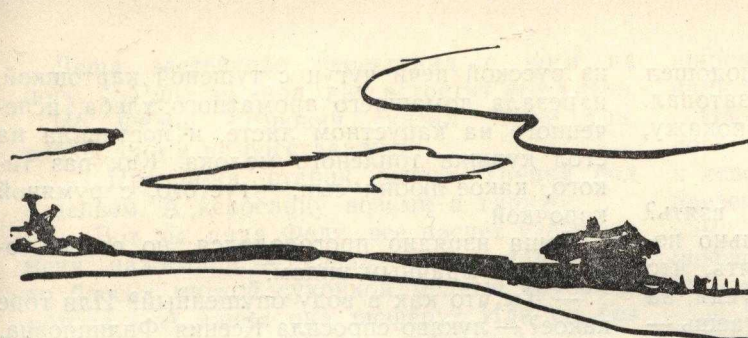
— Правильно. А это?

— Карбюратор.

— Тоже верно. Смекаешь помаленьку...

Не отрываясь от работы, Федор Егорович вел долгие разговоры с Лешей.

— Шофер, если хочешь знать, первый человек в нашей державе, Леха. Вот, к примеру, поспел урожай, обмолотили его комбайнами.

Кто хлеб вывезет с полей? Шофер! Или, скажем, задумали дом построить, этажей на десять. Кто кирпичи, камень, стекло подвезет на стройку? Опять шофер. Ты сам-то, когда школу кончишь, кем будешь?

— Шофером, дядя Федя, обязательно шофером. Это я уже твердо решил.

— Вот и молодец, — одобрительно говорил Титов, разглаживая пальцем длинные черные усы. — А то нынче все на инженеров учатся да в город норовят переехать. Не берут того во внимание, что ежели все инженерами сделаются, кто ж тогда землю пахать будет?

— Не-ет, я из колхоза не поеду, — заявлял Леша. — Что в городе? Ни тебе грибов, ни ягод, ни рыбалки. К нам городские сами каждое лето едут!

— Да ты, старик, прямо мудрец, — улыбался Федор Егорович.

Разговаривая с Лешей, Титов ни на минутку не отрывался от дела. Грубые, но умелые руки шофера ощупывали мотор. Только тщательно проверив, заправив машину бензином и маслом, Федор Егорович ставил ее в бокс.

Домой шли вместе. Титов размашисто вышагивал по тропинке, оставляя на сырой земле отпечатки больших сапог. Леша вприпрыжку бежал рядом.

Но однажды Лешкина мать преградила дорогу.

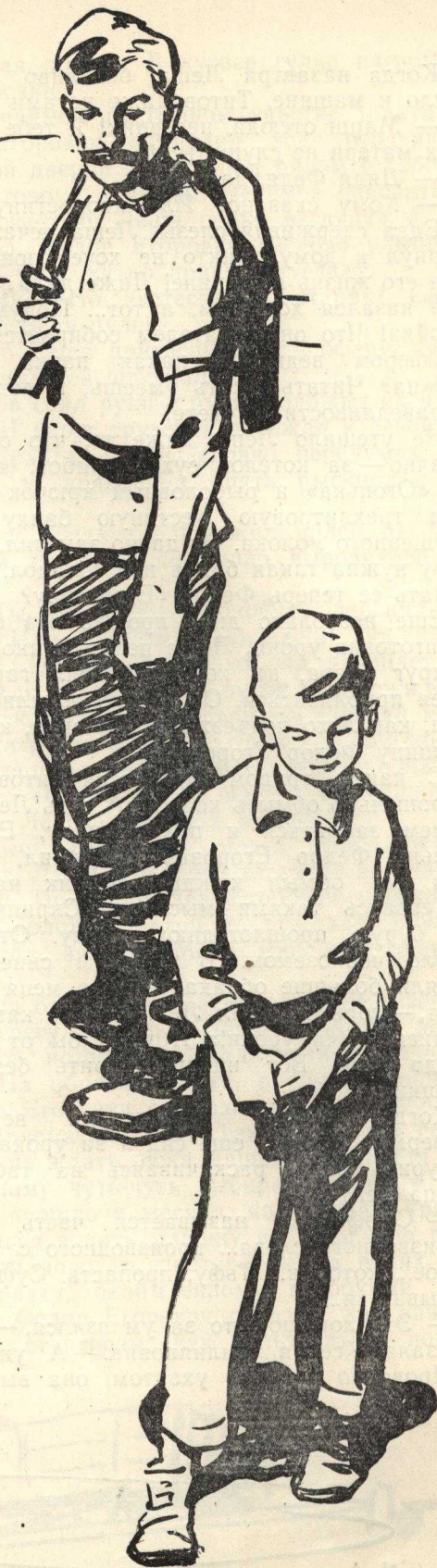
— Ты что ж, Федор Егорович, мальчика с толку сбиваешь? Это не по-соседски!

— О чем это ты, Ксения Филипповна?

— А то вроде не знаешь? Парнишка днюет и ночует около твоей машины. Уроки совсем забросил. Вчера опять двойку по русскому получил. Я весь день на ферме, а бабушка старенькая, ей за ним не углядеть...

— Так значит... Ах он, паршивец! — возмутился Федор Егорович. — Лешка, иди-ка сюда!

Но того и след простыл. Сообразив, что мать не зря поджидала Титова и разговор будет жарким, Лешка сразу же юркнул во двор к закадычному другу Аркадию Платонову.

2

Когда назавтра Леша боязливо подошел было к машине, Титов даже ногами затопал.

— Марш отсюда, негодник! Я тебе покажу, как матери не слушаться!

— Дядя Федя, да я...

— Кому сказано? Или хворостину взять?

Едва сдерживая слезы, Леша печально повернул к дому. Никто не хочет понять, что вся его жизнь в машине! Даже дядя Федя, на что казался хорошим, и тот... Подумаешь — двойка! Что он, писателем собирается стать? Шофером ведь! А какая наука шоферу нужна? Читать-писать умеешь, и ладно. Нет справедливости на свете!

Не утешило Лешу даже то, что он очень удачно — за котелок сухих грибов, картинку из «Огонька» и рыболовный крючок — выменял трехлитровую жестяную банку из-под сгущенного молока. Он давно заметил, что Титову нужна такая банка под солидол. Но как отдать ее теперь Федору Егоровичу?

Еще несколько дней прошло без перемен. Приготовив уроки, Леша неприкаянно бродил вокруг бугра, на котором стоял гараж, не смея приблизиться. Он только издали наблюдал, как лихо подъезжает Березкин, как моет машину Федор Егорович...

С каким трудом нагибается Титов, чтобы хорошенько обмыть колеса! А ведь Лешке ни-почем забраться и под машину. Если бы только Федор Егорович разрешил, он мигом бы обмыл каждый болтик на раме!

Терзаясь такими мыслями, Скрипкин лег на бурую прошлогоднюю траву. От земли пахло черноземом. В высоком синем небе стояли большие облака. «Никто меня не жалеет, — горько думал Леша. — Все как сговорились: «Учи уроки!» А умер бы от ученья, тогда что? Вот начну зубрить без передышки...»

Когда Ксения Филипповна вернулась с фермы, сын все еще сидел за уроками. Зажмутив глаза, раскачиваясь на табуретке, Леша шептал:

— Суффиксом называется часть основы производного слова... производного слова, которое... которая... Тьфу, пропасть. Суффиксом называется...

— Это хорошо, что за ум взялся, — весело сказала Ксения Филипповна. — А ужинал?..

Проворно работая ухватом, она вытащила

из русской печи чугуны с тушеной картошкой, нарезала домашнего ароматного хлеба, испеченного на капустном листе, и поставила на стол кувшин топленого молока. Как раз такого, какое любил сын, — густого, с румяной корочкой.

Леша изрядно проголодался, но ел не торопясь, с мрачным видом.

— Ты что как в воду опущенный? Или горе какое? — лукаво спросила Ксения Филипповна.

— Горе не горе, а радоваться нечему, — пробормотал Леша, отводя глаза в сторону.

— Наверное, в гараж хочется?

Леша промолчал. Что пустяки говорить? Сама запретила, а спрашивает...

— В гараж? Да? — повторила Ксения Филипповна. — А если мы с тобой так договоримся: подтянешься по всем предметам, сдашь экзамены, а я дядю Федю попрошу, чтобы он тебя в гараж пускал.

— Ты это... вправду, ма? — спросил Леша, и уши у него порозовели.

— Конечно, вправду!

— Ой-ля-ля, ой-ля-ля! — Леша сорвался с табуретки и понесся по избе, от восторга забрасывая ноги выше головы. Кот Василий уставился зелеными глазами на хозяина, потом фыркнул и вскочил на печь.

С этого дня с Лешей случилась небывалая перемена. Бабушка и Ксения Филипповна чуть не насильно укладывали его спать. До поздней ночи Леша читал, писал, решал задачи, почти не показываясь на улице. А возвращаясь из школы, небрежно говорил бабушке:

— Еще одну пятерку получил. В дневник записали. Вот!

— Ах ты, касатик мой. Это за что же?

— За вулканы, бабушка. Знаешь, как я про Везувий рассказывал? Ого! Стоял, стоял вулкан тыщу лет, а потом ка-ак даст!

— Батюшки, страсть-то какая! Премудрость господня.

— Никакая не премудрость, а извержение раскаленной магмы. Очень даже просто.

...Экзамены Леша сдал отлично. А назавтра Ксения Филипповна сшила комбинезон, обрядила в него сына и сама отвела в гараж.

— Вот, Федор Егорович, получай своего помощника. Все экзамены сдал. Да еще как — на пятерки! И дров наколот...

Леша застенчиво переступил с ноги на ногу. Он еще не знал, как встретит его Титов.

Но Федор Егорович сказал Леше так, словно они и не расставались:

— Протри-ка, старик, мотор. Тряпка под сиденьем. А керосинку возьми в гараже.

— Вот вы, дядя Федя, все насчет учебы на меня нажимали, — сказал Леша, надраивая до блеска мягкой суконкой медные трубочки мотора. — А зачем она шоферу? Или он без арифметики не знает, куда воротить?

— Ах ты, галчонок несмышленный, — вскипел Титов и в сердцах бросил на землю гаечный ключ. — Да как у тебя язык повернулся сказать такое? Вот я сколько лет работаю шофером, а все в толк не мог взять, какая химия в аккумуляторе происходит. И что ты думаешь? Племянник мой Северьян только глянул в учебник и сразу поясняет: «Представь себе, дядя, это свинец, по-латыни «плюмбум», а это серная кислота, «аш два эс о четыре». Теперь смотри, что между ними получается...» И так мне все, голова садовая, разложил, как по нотам. Вот что значит — учился человек, а ты... Тьфу, слушать тошно!

...Время летело быстро. В один из летних дней Леша Скрипкин прибежал к гаражу ранним утром. На больших лопухах не успела высохнуть ночная роса. Воздух был так свеж, что холодил щеки. Березкина еще не было, но Федор Егорович уже выводил свою машину из бокса. Зашумел мотор, шелкнули шестерни.

И вдруг:

— Долго я тебя буду ждать?

Леша не сразу понял, что это для него распахнулась правая дверца кабины. Одним прыжком паренек взлетел на мягкое сиденье рядом с Федором Егоровичем. Машина покати-лась.

Не первый раз Леша сидел в кабине. Но одно дело сидеть в неподвижной машине и совсем другое — видеть, как за ветровым стеклом быстро бегут черные распахан-ные поля и березки у обочины тракта, слышать, как хлопают под колесами лужи.

В тракторной бригаде в кузов автомобиля погрузили пустые бочки из-под керосина, и Федор Егорович снова двинулся к Ангаре. Ровно шипел карбюратор. Под колеса бежала

широкая дорога. В кузове гулко погромы-вали бочки.

На прямом пустынном участке тракта Федор Егорович замедлил ход, отодвинулся к левой дверце и похлопал рядом с собой по брезентовому сиденью. Не смея поверить такому счастью, Леша робко взглянул в лицо шофера. Федор Егорович ласково улыбнулся из-под усов, хитро прищутив глаза:

— Ну? Что застеснялся, старик? Садись ближе. Бери руль!

Вмиг Леша притиснулся к шоферу, крепко сжал рулевой штурвал.

Титов снял руки с руля, положил их на колени. И вдруг грузовик побежал к левой обочине тракта, потом, словно передумав, метнулся к правой и опять рыскнул в сторону.

Федор Егорович положил палец на штурвал, и грузовик послушно выровнялся. Чудеса!

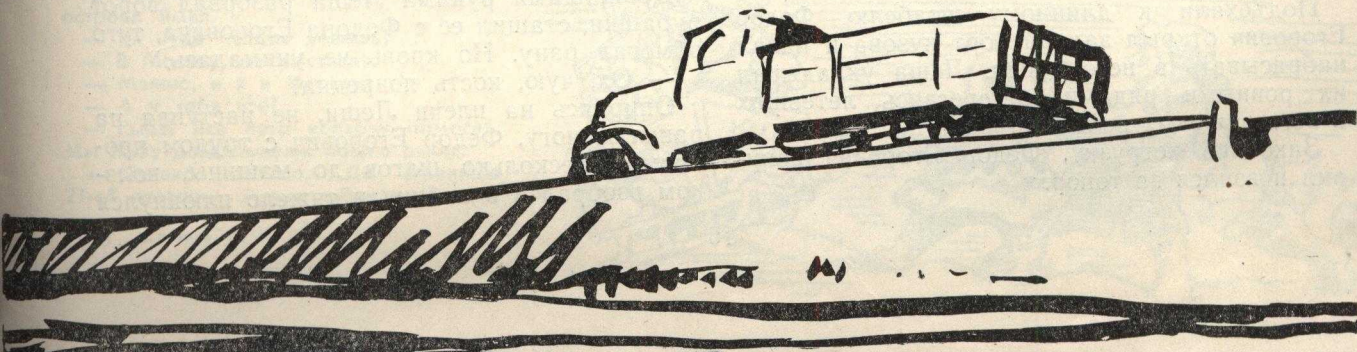
— Ты полегче, — спокойно пояснил Титов. — Ишь, вцепился, как клещ! Тут сила не нужна. Примечай: только она начинает ска-тываться вправо, ты ее чуток придержи влево. Вот так, так... Да помалу, не ворочай круто!

Пока машина шла по тракту, Леша кое-как справлялся с ней. Но вот впереди показался мостик. «Не попаду на мост, — со страхом подумал Леша, — слечу в речку!»

Белые столбики моста приближались быстро. Леша с мольбой взглянул на невозмутимого Титова. Федор Егорович усмехнулся, снова положил палец на штурвал. Грузовик перестал вилять. Мост миновали благополучно.

Пока открылись светлые домики нефтебазы на берегу Ангары, Леша пережил немало страхов, но машина стала идти гораздо ровней. На обратном пути, с грузом горючего, Федор Егорович сам взял руль, а Леша начал присматриваться. Так вот в чем секрет! Надо не ждать, пока машина потянется вбок, а самому чуть-чуть выбирать слабины руля!

Не прошло и месяца, как Леша Скрипкин научился водить машину не только по проселочным дорогам, проторенным в полях, но и по тракту, окаймленному глубокими кюветами. Федор Егорович показал, как заводить мотор стартером, как пользоваться ножным

тормозом, объяснил назначение рычага коробки скоростей.

Прежние ребячьи игры потеряли для Леша всякий интерес. Смешно! Разве можно сравнить ужение рыбы с поездкой на автомобиле, когда мчишься вровень с ветром, а за стеклом разворачивается то родная тайга, то зеленые поля, то снеговые вершины Саянского хребта!

Если б можно было, Леша и ночевал бы в гараже. Но Федор Егорович выпроваживал его домой, да еще не забывал при каждой встрече спрашивать у матери, читает ли сын книжки, помогает ли дома по хозяйству.

Подошла осень.

С утра Федор Егорович вместе с Лешей сделал один рейс на нефтебазу, потом отвез кирпич к строящейся теплице, а после обеда выехал на дальнюю делянку, где колхоз вел заготовку дров.

В тайге пахло грибами, сыростью. Под ногами шуршали прошлогодние листья берез, бледная хвоя сосен.

Подъехали к длинному штабелю. Федор Егорович открыл задний борт кузова и начал набрасывать в него дрова. Леша укладывал их ровными рядами, остерегаясь летевших в него тяжелых поленьев.

Закончив погрузку, Федор Егорович закурил и взялся за топор.

— Надо новый столб к воротам вырубить... Облюбовав молодой крепкий кедр, Титов поплевал на руки и привычно взмахнул топором. Острое лезвие вонзилось в ствол. Кедр вздрогнул. Надрубив дерево с одной стороны, Федор Егорович перешел на новое место и опять взмахнул топором.

Тут-то и случилась беда. Лезвие скользнуло по твердому стволу, счистив только кору, и со всего размаху ударило Федора Егоровича по ноге. Уронив топор, он повалился на землю. Леша ахнул, бросился к нему.

— Ногу... Скорей, Леша, перевяжи ногу!

Леша опустился на колени, стащил сапог с разрубленной ноги, закатал штанину. Из большой раны хлестала алая кровь.

— Рви с меня рубаху, — прохрипел Федор Егорович, от боли скрипя зубами. — Заматывай дюжей, не давай крови сбегать.

Дрожащими руками Леша разорвал ворот рубашки, стащил ее с Федора Егоровича, туго обмотал рану. Но кровь не унималась.

— Ох, чую, кость повредил!

Опираясь на плечи Леша, не наступая на раненую ногу, Федор Егорович с трудом прохромал несколько шагов до машины, ползком взобрался в кабину и тяжело плюхнулся

на сиденье. Лицо его побелело. Сделав над собой усилие, Федор Егорович отодвинулся в сторону от руля, облизнул сухие губы.

— Выручай, Леша. Давай домой...

Глаза шофера закрылись, голова упала на грудь.

Бледный, растерянный, с трудом удерживая слезы, Леша осмотрелся. Что делать?

Остановить на дороге какую-нибудь машину? А если ни одна не пройдет до вечера? Место глухое, это не Ангарский тракт. Бежать в деревню? До Большой Елани тридцать километров. Пока доберешься, пока врач придет, дядя Федя помрет.

Нахмутив светлые брови, Леша сел за руль. Сердце билось отчаянно. Главное, включится ли передача?

Отгоняя тревожные сомнения, Леша вспоминал все, что успел узнать от Титова. Включить зажигание. Так. Что дальше? Ага, стартер. Парень немного сполз вниз, крепче уперся спиной и нажал ногой педаль стартера. Секунда-две, и хорошо отрегулированный мотор мягко зарокотал. Сердце забилось еще сильнее. Ну, теперь надо включить первую передачу. Выжав до отказа левую педаль, Леша потянул рычаг. Кажется, включил... Осторожно нажимая на педаль газа, начал отпускать педаль сцепления.

Сначала рывками, потом все ровнее и ровнее, автомобиль пошел вперед.

До самой дороги Леша не рискнул переключиться на вторую передачу и ехал со ско-

ростью пешехода. Но редкие стоны Федора Егоровича подхлестывали его. Выбравшись на дорогу, молодой шофер попытался переключиться. Шестерни заскрежетали, машина замедлила ход и остановилась. Леша вытер рукавом пот со лба. Вот незадача!

Но недаром за эту весну он прошел суровую школу у Федора Егоровича! Научился терпению. Снова и снова он заводил мотор и трогался с места, пока, наконец, не переключился на вторую передачу. Грузовик сразу побежал веселее. Сильнее повеял встречный ветерок.

С середины пути Леша ехал уже на третьей передаче. Замедляя ход на ухабах, прибавляя газу перед подъемами, Леша бережно вел машину. До самой деревни не попало ни одного грузовика.

Около больницы Леша остановил машину, со вздохом облегчения выключил мотор и откинулся на спинку сиденья. Только теперь он почувствовал небывалую усталость.

Санитары в белых халатах вынесли носилки, уложили на них Федора Егоровича. Леша подошел к носилкам.

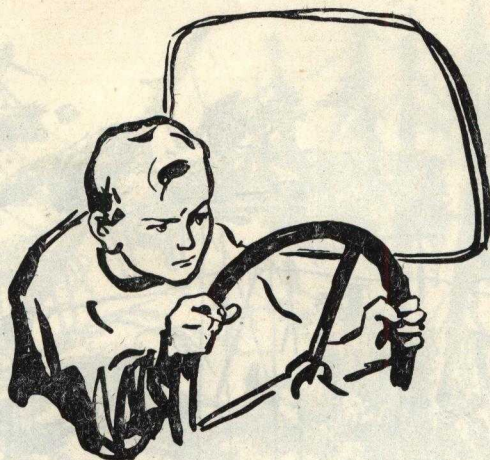
Титов очнулся, с нежностью посмотрел на своего маленького друга.

— Спасибо тебе. Сдал свой главный экзамен. Выручил товарища из беды.

Леша деловито шмыгнул носом.

— Поправляйтесь, Федор Егорович, поскорей. А машину я сейчас поставлю в гараж. Будьте спокойны.

Ангарск

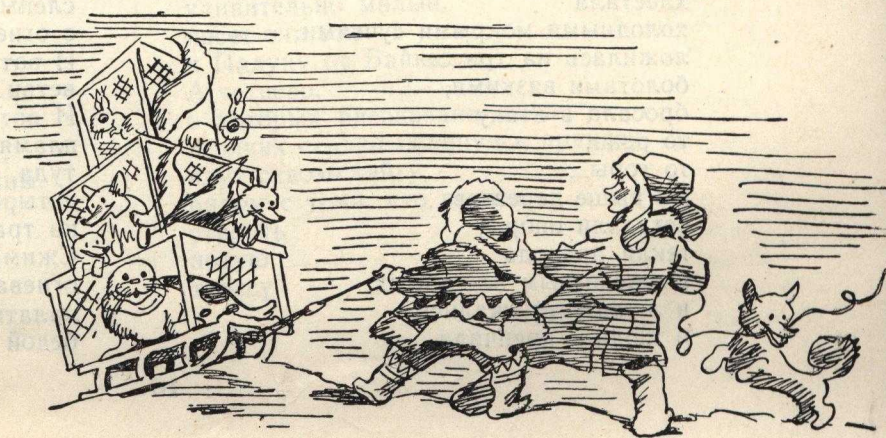

Со страницы на страницу

Рисунки В. Гальба

I

- Ты кто?
- Вася Лукьянов. Из Красноярского края.
- А я Окодетто Езынги. С полуострова Ямал.
- Ты куда песцов везешь?
- В Москву, на выставку.
- Можно, и я в Москву?
- А у тебя что?
- Рыба! Все лето колхозу помогал. Мы рыбу разделявали. Много рыбы.
- Однако, ничего. До страницы 27-ой дотащи. А там собак запряжем.

КОГДА ЗАГОРЕЛАСЬ ТАЙГА

Марк Сергеев

Ты что-нибудь слышал
О «Трассе юности»?
Она пролегла
от Иркутска до Братска.
Ее по тайге,
через версты и трудности,

Рисунок А. Крутцова

Вела их дорога
к Падунским порогам.

Однажды
тайгу
всколыхнула тревога.

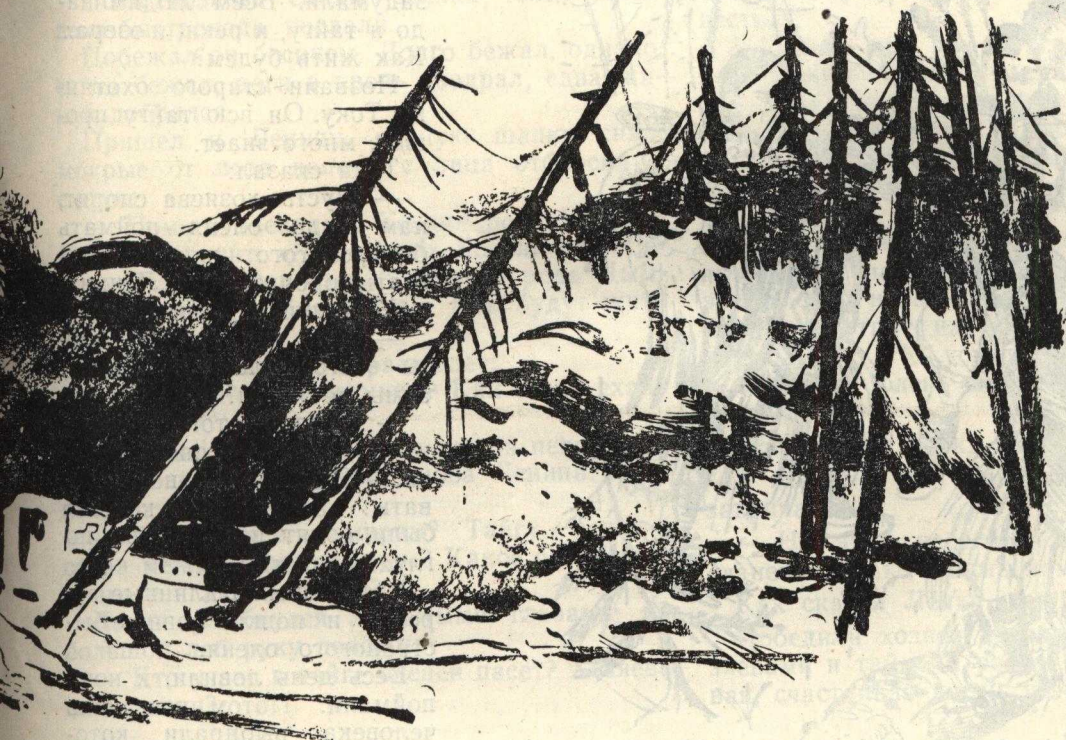
два года вело
комсомольское братство.
Тайга
комсомольцев
встречала неласково:
мошкú насылала
кусачею тучею,
хлестала
холодными мокрыми сучьями,
ложилась на трассе
болотами вязкими,
бросала в атаку
то реки,
то горы...
Но выше деревьев
вставали опоры,
текли провода
по железным плечам их,
и люди — сражались,
и люди — крепчали.

Должно быть,
окурки были брошены горящие,
и ветер раздул эту искорку
в пламя,
и вот,
среди ночи,
запрыгали в чаще
слепые зверьки
с огненными хвостами.
И вот уже —
ветви ломает и корчит.
И вот уже —
пламя несется со свистом
туда, где в палатке —
четыре рабочих,
на трассе живущих бульдозериста.
Сжимает кольцо
огненная атака,
палатке грозит
бедой неминуемой,

и пламя ползет
к металлическим бакам,
в которых хранится
для трассы
горючее.

Огонь наступает
упорно,
зловеще,
дышать невозможно
от дыма и смрада...
Но можно свернуть

к цистернам с бензином.
И, значит,
нельзя ни уйти,
ни сдаваться,
хоть знаешь,
что могут цистерны взорваться,
что вспыхнет бензин —
и спасешься едва ли.
Но четверо —
против огня устояли.
Ты что-нибудь слышал
о «Трассе юности»?

и палатку, и вещи,
уйти на машинах
из этого ада.
Но, значит, тогда
на участке не скоро
на плечи фундаментов
станут опоры;
моторы
заглохнут,
замрут без движения...
Так что ж вы, друзья?
Принимайте решение!
Они обо всем позабыли на свете,
когда на огонь повернули машины.
Горячий,
сухой,
искромечущий ветер
тянулся упрямо

Она пролегла
от Иркутска до Братска.
Ее по тайге
через версты и трудности
два года вело
комсомольское братство.
Построена в срок
удивительно малый,
несет она ток
к Падуну от Байкала.
А четверо,
о которых рассказано выше,
горячих сердец повинуюсь приказу,
идут сквозь тайгу,
рядом с теми, кто вышел
строить
новую
трассу.

Иркутск

ХОЗЯЕВА ТАЙГИ

СКАЗКА

Г. Кунгуров

Рисунки Р. Хасиевой

Собрались эвенки со всей тайги.

Род Черного Налима поставил чумы возле реки, род Серого Гуся — около озера, род Дымчатой Белки — в тайге.

Неподалеку стояли чумы богачей — хозяев эвенков. Хозяева день и ночь между собой спорили.

Хозяин рода Черного Налима кричал:

— Реки мои!

Хозяин рода Серого Гуся:

— Озера мои!

Хозяин рода Дымчатой Белки:

— Тайга моя!

Эвенки спор слушают и говорят:

— Худое наши хозяева задумали. Всем людям надо и тайгу, и реки, и озера... Как жить будем?

Позвали старого охотника Току. Он всю тайгу прошел, много знает.

Тока сказал:

— Пусть хозяева спорят, нам надо оленя поймать быстрого и на нем ехать-торопиться к Ленину.

А эвенки спрашивают:

— Кто это Ленин? Как ты этого человека знаешь, а мы не знаем?

— Стыдно этого человека не знать, — говорит Тока. — Однако вы не виноваты: в долгом кочевье были, водят вас хозяева по глухим местам.

Взяли эвенки длинные веревки и пошли ловить быстрого оленя.

Весь день ловили, к ночи поймали. Потом всю ночь человека выбирали, который бы Ленину все рассказал. К утру выбрали такого человека.

Богачи-хозяева об этом узнали. Ленина они боялись; собрали эвенков и говорят:

— Слова Токи — пустой ветер, не слушайте его. Зачем оленя зря гонять? Не худо живете, ладно живете. Ленин вам не поможет!

Быстрого оленя хозяева отобрали, зарезали и съели.

Пришел Тока, а эвенки ему жалуются.

— Ум у вас короче заячьего хвоста, — отвечает им Тока. — Зачем хозяевам поверили? Скорее посылайте человека к Ленину, пусть пешком идет. Хозяева ваши хитрее лисицы!

Решили эвенки послать к Ленину быстрого. Нашли такого человека, сшили ему крепкие лосиные унты, в дорожную суму сушеного мяса насыпали.

Опять узнали хозяева, людей собрали, говорят:

— Худое задумали, человек ваш до Ленина не дойдет, дороги он не знает...

Лосиные унты хозяева с человека-быстрохода сняли, в большой костер бросили, сожгли.

Пришел Тока, эвенки опять ему жалуются. Тока говорит:

— Ум у вас короче ноготка белки... Зачем хозяевам поверили? Посылайте к Ленину человека, торопитесь, пусть босиком бежит...

Пока хозяева спали, эвенки тайно человека-быстрохода послали.

Побежал он босиком. Долго бежал, однако, с год бежал, ноги в кровь изодрал, едва живым добрался.

Пришел к Ленину, рваную шапку снял, мокрые от пота волосы с лица отбросил и сказал:

— Помоги эвенкам... Хозяин рода Черного Налима кричит: «Мои реки!» Хозяин рода Серого Гуся — «Мои озера!» Хозяин рода Дымчатой Белки — «Моя тайга!» Как будут жить эвенки? Умрут!

Ленин задумался, спрашивает:

— Почему эвенк босиком? Как эвенк ехал? Долго ли?

Рассказал посланный, почему он пеший, почему босиком прибежал, снова Ленина спрашивает:

— Как хозяев помирим? Тайгу, реки и озера между ними поделим? Какое слово твое принесу я людям тайги?

Ленин улыбнулся лучистыми глазами, на большой лоб руку положил:

— Кто у вас в тайге оленей пасет? Хозяева или эвенки?

— Эвенки...

— Кто зверя промысляет? Хозяева или эвенки?

— Эвенки...

— Кто рыбу в озерах и реках ловит? Хозяева или эвенки?

— Эвенки...

— Тогда зачем же вашим хозяевам тайга, озера, реки? Пусть хозяйствуют сами эвенки...

Обрадовался посланный, Ленину руку пожал, в знак дружбы волосок из своей косички выдернул и дал на память. Хотел бежать, чтобы скорее принести в тайгу радостную весть.

А Ленин его, как друга, остановил, человека важного вызвал и сказал:

— Это эвенк — посланец людей тайги... Надо ему торопиться к своим родичам. Дело большое у меня он сделал. Посадите его на небесного оленя, дайте ему новую шубу, шапку, унты.

Сел посланный на небесного оленя. Небесный олень несется, ветер обгоняя. Смотрит эвенк на небо — мелькают звезды, тучи, луна... Смотрит на землю — мелькают горы, реки, леса... Не успел он трубку закурить, а небесный олень возле его стойбища опустился.

Прибежали эвенки и радуются.

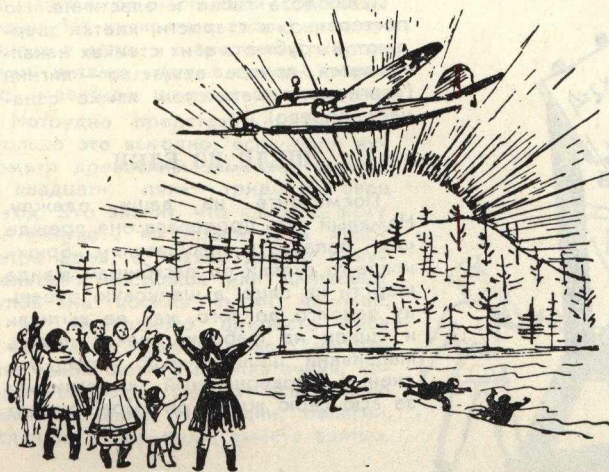
А хозяева, как увидели небесного оленя, закричали:

— На этом небесном олене — Ленина посланец. Однако смерть нам пришла.

Как сказал Ленин, так и сделалось.

Победили хозяев эвенки и сами стали хозяевами и тайги, и рек, и озер. Началась новая, счастливая жизнь у эвенков.

Иркутск

20.000 из ОДНОГО...

В. Тареев

Что за странная новогодняя елка! Вместо игрушек на ней развешено содержание целого универсального магазина: рубашка и флакончик с чернилами, мыло и ванилин, капроновые чулки и кинолента, стекло и лекарства, клей и взрывчатка. А под Дедом Морозом дымится сухой лед.

И все-таки ничего странного в рисунке нет. Все эти предметы нарисованы неспроста и имеют отношение друг к другу и к елке, на которой они висят. Какое? Вот об этом мы сейчас и расскажем.

...Мы настолько привыкли к деревянным предметам, окружающим нас, что подчас и не замечаем, как их много. Попробуйте вынести из класса все деревянное. Исчезнут парты, учительский стол, доска, указка, оконные рамы. А портфель, расческа, чернила и пластмассовый фотоаппарат с пленкой? И они могут быть получены из дерева с помощью химии-чудесницы.

Рисунки Ю. Смольникова

Сейчас из древесины делают предметы около двадцати тысяч различных наименований. И с первого взгляда бывает трудно догадаться о родстве многих из них с обыкновенным деревом.

ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ ДЕРЕВО?

— То есть как из чего? — Да из дерева, — скажете вы. Часы можно разобрать на винтики и пружины, а доску — сколько ни строгай, она так доской и останется.

И все-таки можно деревянную доску разобрать на «винтики».

В лаборатории на кусочек древесины капнули особой жидкостью, и под микроскопом стали заметны различно окрашенные части древесного среза. Это произошло потому, что жидкость по-разному действовала на различные части дерева.

Все живое в природе, в том числе и растения, «выстроены» из клеток, как дома из кирпичей. Основной материал, из которого «строятся» стенки клеток, так и называется клетчаткой, или целлюлозой (от латинского слова «целлюла» — клетка). Белая промокашка или кусок ваты — это и есть целлюлоза почти в чистом виде.

Целлюлоза гибка и эластична. Но постепенно, к старости, клетки твердеют и грубеют: в их стенках накапливается другое вещество — лигнин («лигнум» в латинском языке означает дерево).

ШЕЛК ИЗ ЕЛКИ

Посмотрите на вашу одежду. Немалый путь проделала она, прежде чем попала к покупателю. Брюки когда-то гуляли по пастбищам в виде шерсти на овце, а шелковую рубашку задолго до того, как ее выткали и сшили на фабрике, начал прядь маленький шелковичный червь. Это очень несовершенный «механизм»: за всю свою жизнь он вырабатывает

меньше — грамма шелковой нити, а пожирает горы тутовых листьев.

А вот из клетчатки можно получать шелковые нити в неограниченном количестве. Для этого надо переработать древесину.

В огромные котлы с кислотой или щелочью опускают измельченную древесину, варят ее несколько часов под большим давлением. В таком «супе» лигнин вываривается, растворяется, а стойкая целлюлоза остается почти нетронутой. Клетчатку извлекают и прессуют в толстые белые листы наподобие картона, её отвозят на бумажную фабрику для дальнейшей переработки.

Проследим за целлюлозой, которая попала на завод искусственного волокна.

Здесь она замачивается в растворе щелочи и разбухает. В больших вращающихся чанах клетчатка измельчается огромными острыми ножами и превращается в пышную кашеобразную массу.

Обычно всякую кашу, чтобы она как следует разварилась, на некоторое время закутывают во что-нибудь теплое. Так и измельченную целлюлозу, разложенную в жестяные ящики, ставят в камеру-томилку и выдерживают некоторое время. Здесь при определенной температуре она «дозревает», потом в нее добавляют ядовитую жидкость, перемишивают со слабым раствором щелочи, очищают и получают светлую и прозрачную тягучую жидкость — вискозу (от латинского слова «вискозус» — вязкий).

Вот из этой жидкости и прядут нити. Небольшие насосики накачивают вискозу в стеклянные трубочки, которые оканчиваются своеобразными ситечками — фильерами. Через отверстия фильеров струйки вискозы стекают в сосуд с химическим раствором и затвердевают там, превращаясь в гибкие шелковистые нити. После обработки они мало чем отличаются от настоящей шелковой пряжи. Из вискозных волокон, сплетенных в жгут и нарезанных короткими нитями, ткнут всем вам хорошо известное штапельное полотно.

Нетрудно представить себе, насколько это выгодно, если один кубометр древесины заменяет шерсть с двадцати пяти — тридцати овец в год. Это значит, что каждую зиму вы сжигаете не просто два кубометра дров, а тысячу двести полушелковых костюмов или шелковых чулок на восемь тысяч человек. А из ежегодного прироста леса в Советском Союзе можно изготовить такой шелковый «платочек», который свободно закроет всю землю Великобритании, Ирландии, Бельгии, Исландии и Франции, вместе взятых.

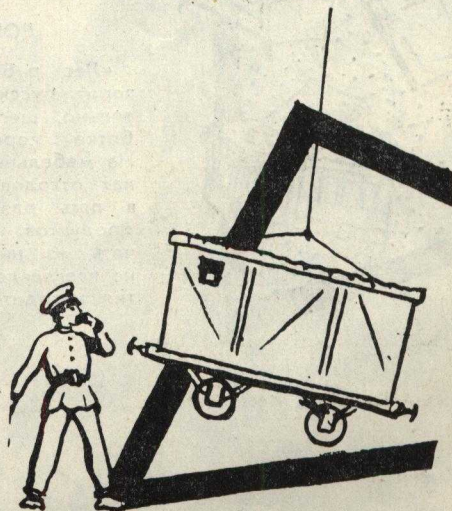
ЧУДЕСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

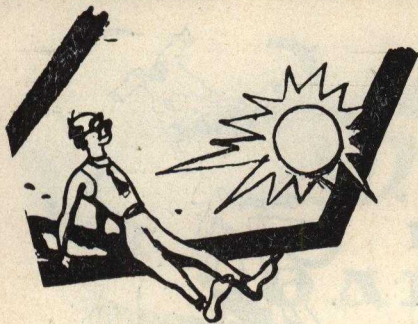
Человек сломал руку. Его привезли в больницу и немедленно положили на стол хирурга... И вот тут начинаются чудеса. Хирург заменяет раздробленную кость пластмассовой, искусственной, швы на ране зашивает капроновой нитью...

Химия помогает медицине.

Если через несколько лет можно было бы взглянуть на пластмассовую кость, то оказалось бы, что она «исчезла» и заменилась настоящей.

Можно без конца рассказывать о чудесных свойствах пластмасс. Они тоже могут быть получены из древесины. Вы уже знаете, что из вискозы делают шелк, но слы-

шали ли вы, что если вискозу пропустить не через ситечко, а через узкую длинную щель, то из прядильной машины выйдут не шелковые нити, а широкая лента пленки? После того как пленку промоют и окончательно отделают, придадут ей мягкость и гибкость, — она уже называется целлофаном. Красивый прозрачный материал используется для упаковки товаров, лекарств, деталей машин. Одним рулоном целлофана можно временно остеклить на стройке около тысячи пятисот окон.

Из хорошо знакомого вам рогообразного вещества целлулоида делают игрушки, гребни, портсигары. Однако они очень легко воспламеняются. Этого недостатка лишен целлон, который все больше вытесняет горючий целлулоид в производстве фото- и кинопленки. Все три вещества — целлофан, целлулоид и целлон — находятся в прямом родстве с целлюлозой, что и отражено в их названиях.

Древесина превращается и в другие невиданные материалы. Замечательными свойствами обладает ацетатный шелк, который получается при обработке целлюлозы уксусной кислотой. Веревка из него диаметром в один сантиметр, — тоньше авторучки, — может выдержать груз весом около пяти тонн, а в легком костюме из ацетатного шелка можно загорать, не снимая его: он легко пропускает ультрафиолетовые лучи.

Очень обычно и неинтересно выглядит бесцветная жидкость с неприятным запахом — ацетон, который выделяется при сухой перегонке дерева. Но и он удивит вас своими свойствами: ацетон хорошо смешивается с водой, бензином, керосином. В стакане чая можно растворить четыре стакана сахара. А в одном объеме ацетона без особого труда растворяется 375 объемов ацетилена.

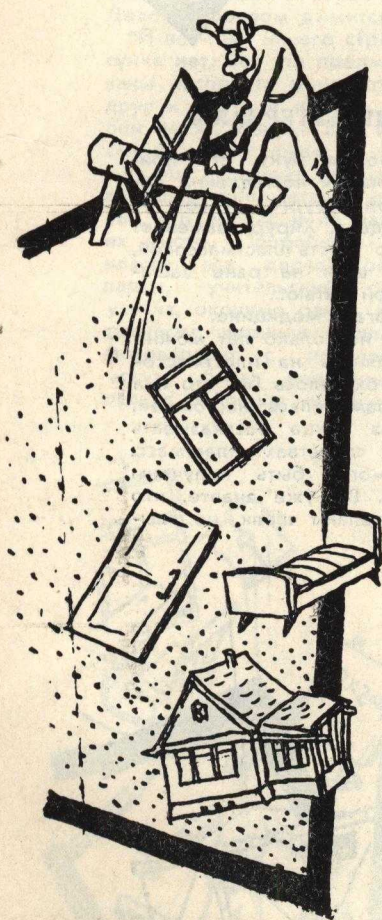
ДОРОГИЕ ОТХОДЫ

«Лес рубят — щепки летят», — говорит русская пословица. Действительно, щепок и опилок при обработке дерева образуется много. На мебельных и катушечных фабриках отходов древесины оказывается в пять раз больше, чем готовых продуктов. Химия позволяет получать из них ценные вещества. Но не всегда лесохимические предприятия находятся поблизости от дере-

вообрабатывающих. А везти стружку по железной дороге невыгодно. В железнодорожный состав войдет стружки по весу в семь раз меньше того, что он мог бы увезти.

Что же с ними делать? Может быть, их просто-напросто сжечь как бесполезный мусор? Но ведь полное использование лесотходов дало бы государству миллиарды рублей ежегодной экономии.

Другое дело, если над таким «костром» поставить котлы с водой, и образующийся при ее кипении пар заставить двигать механизмы. Но и здесь трудность: опилки и стружки очень быстро впитывают влагу, отсыревают и плохо горят. Выход из положения нашел ленинградский ученый, теплотехник В. Померанцев. Он предложил «капризные» дрова сначала подсушивать теплыми газами, которые сами являются отходами производства. Для этого он разработал скоростные топki, где опилки, прежде чем попасть в огонь, пересыпают сверху вниз, как по полочкам, и высушивает теплым газом. Теперь прежнее количество топлива позволяет получить в котле пара больше, чем раньше. Доцент Ленинградского лесотехнического института Лёверовский предложил в тех же топках сначала разлагать древесину на составные части. Теперь горит уже не вся древесина, а только уголь, который получается при разложении. Он еще больше увеличивает производство пара. Кроме того, при разложении древесины выделяются и другие ценные вещества, которые помогают бороться с сорняками и отделять металлическую руду от пустой породы. Предложение ленинградских ученых найдет широкое применение в Сибири.

НАША ПОЧТА

Владимир Ильич Ленин жил в Шушенском во время ссылки. Теперь он не узнал бы далекого сибирского села. Все в Шушенском изменилось!

Построены Дом Советов, гостиница, молочноконсервный завод, универмаг, дом культуры, сельскохозяйственный техникум. Улицы асфальтированы.

В селе — большое каменное здание школы. И школа, и пионерская дружина носят имя Владимира

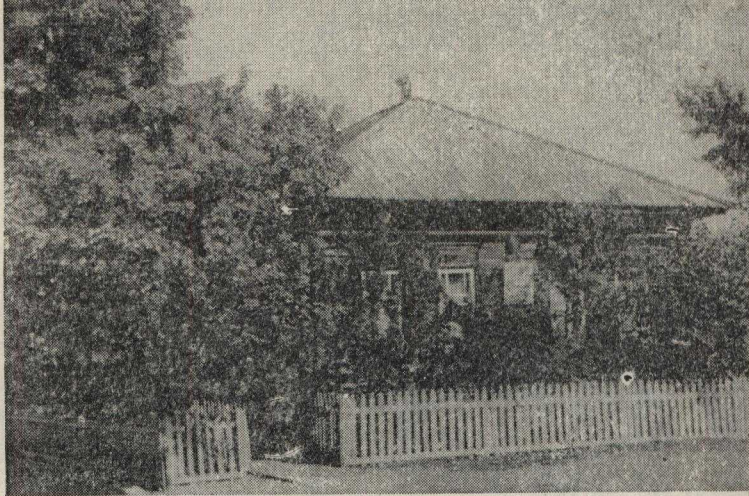
Ильича. В пионерской комнате и в зале второго этажа — большая постоянная выставка о Ленине. Все сделано руками ребят. В центре выставки — бюст и портрет великого вождя.

Все отряды дружины — частые

гости двух домиков-музеев Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской.

За селом — горка Песчаная. Владимир Ильич любил ее за то, что с нее далеко видно. На Песчаной всегда много ребят.

Фото ТАСС

Пионеры Красноярского края помогают развивать сельское хозяйство. Они собрали много металлического лома и попросили сделать из него комбайны. Пускай двинется в колхозы и совхозы колонна могучих стальных машин.

Сделали комбайны. Не пять, не десять — целых пятьсот!

Хорошо это — пятьсот комбайнов. Но почему не сделать еще больше? И снова собирали лом. Тысяча комбайнов работает на полях, и на каждом надпись: «ПИОНЕРСКИЙ».

Очень хорошо — тысяча комбайнов. А почему бы...

Сбор металла продолжается.

Фото И. Венюкова

Город Слюдянка стоит на берегу озера-моря Байкал. Здесь, у самой воды, слудянские пионеры заложили сад. Городской пионерский!

Осенью и весной сюда приходят отряд за отрядом. Копают ямы, под-

носят саженцы, поливают, рыхлят землю.

Вот пришел пятый-«а» класс 51-ой школы. Сразу все принялись за работу.

Будет сад!

Фото В. Калаянова

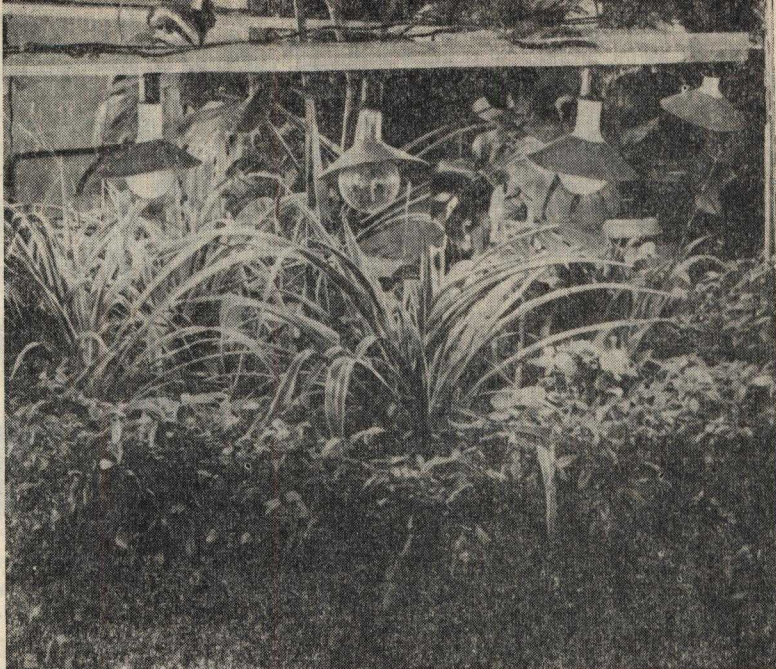

Это Люда с Мишкой.

Люда Развозжаева, шестиклассница, во время летних каникул попробовала поработать на овцеферме. Дело пошло хорошо, работа понравилась. За последнюю стрижку Люда получила по десять килограммов шерсти от каждого барана тонкорунной породы. А от самого крупного барана — шестнадцать килограммов!

Его-то и зовут Мишкой.

Фото В. Калаянова

Двадцать девять юннатов из Норильска подписали это письмо. В конверт вложили фотографии.

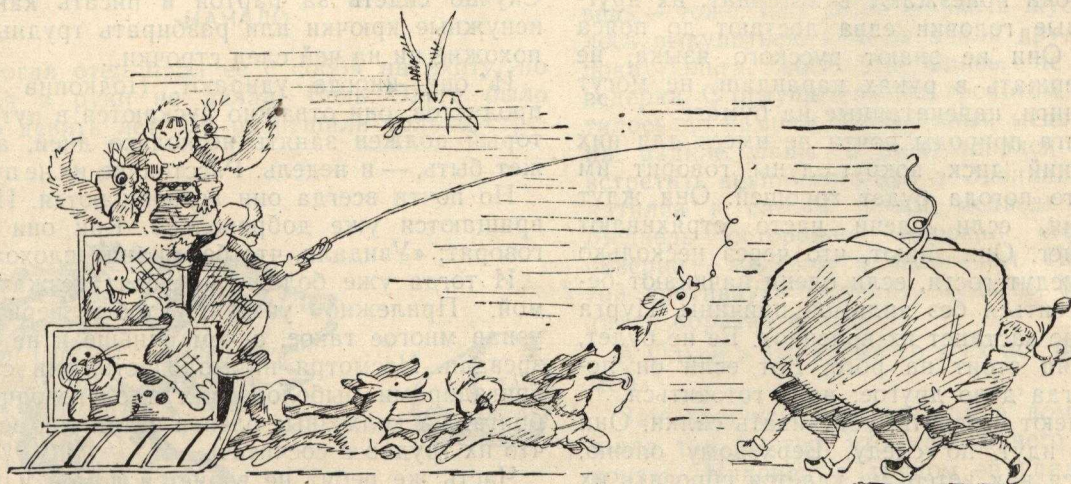
У них в 1-ой школе — зимний сад площадью в двести пятьдесят квадратных метров. Юннатский кружок работает за полярным кругом, а в саду — сочная зелень.

Стали выращивать цветы — вырастили.

Посадили огурцы — и с каждого стеллажа собрали по пятьдесят килограммов. То-то было октябрятам угощение!

Теперь взялись за помидоры. Конечно, вырастят.

Только вот беда: не хватает посадочного материала. У кого есть семена многолетних комнатных растений, корневища, луковицы, клубни — шлите в Норильск, в первую школу!

II

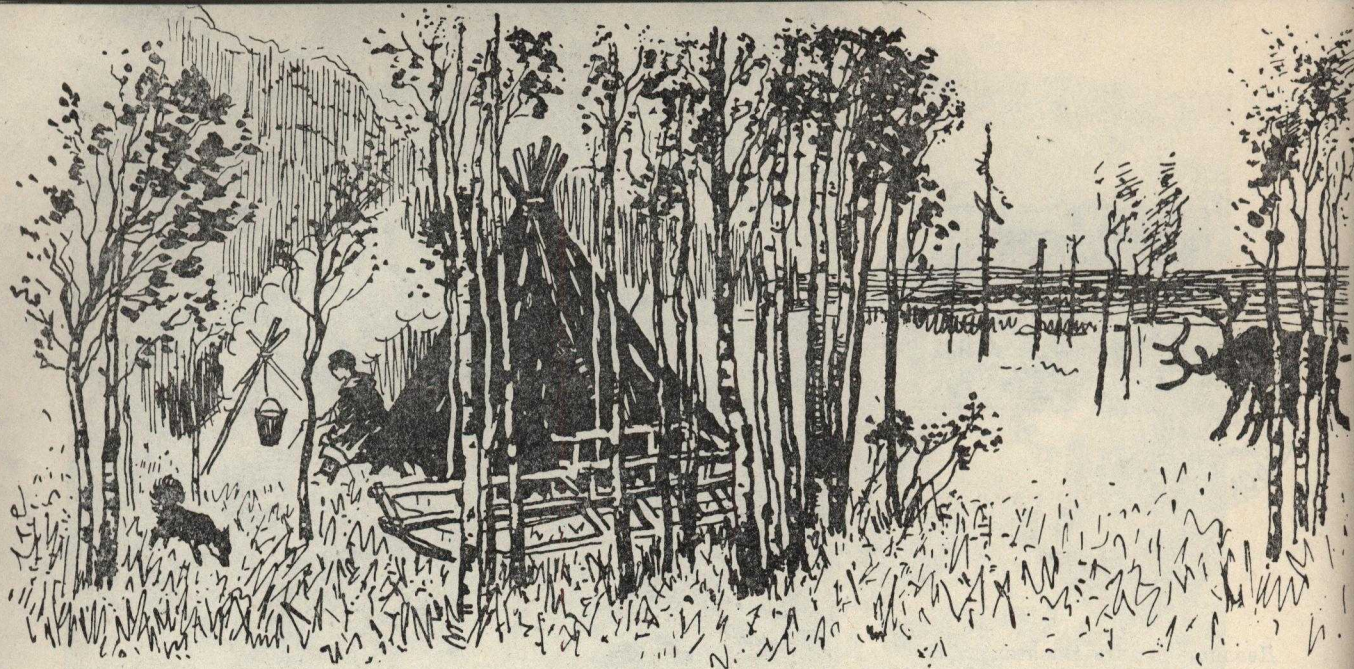
— Куда вы с тыквами? Не поместятся!

— Мы из города Колпашева, из четвертой школы. Мы не виноваты, что в нашей теплице такие тыквы растут. Хоть одну возьмите, а?

— Ладно, садитесь. Окотетто!

— Я!

— Пошли на 45-ю страницу оленей ловить. Собакам не сvezти.

Над рекой Ужи-киш-кон

Г. Савичевская, Е. Озерецкая

Рисунки А. Януса

Когда они приезжают в интернат, их круглые черные головки едва достают до пояса учителя. Они не знают русского языка, не умеют держать в руках карандаш, не могут читать книги, напечатанные на бумаге.

Но книга природы почти не имеет для них тайн. Узкий диск вокруг луны говорит им о том, что погода будет хорошей. Они ждут потепления, если олени часто стряхивают с себя снег. Они знают, что через несколько часов приедут гости, если олени начинают бегать и беситься без видимой причины. Пурга никогда не застанет их врасплох. Ее не будет, если месяц стоит на роге. Вот если он лежит — тогда дело другое: надо готовиться.

Они умеют стрелять, устраивать силки. Они уверенно идут по следу. Верховому оленю, мчащемуся как ветер, не удастся сбросить их со своей спины.

Отъезд в интернат не приносит радости ни им, ни родителям. Они еще не понимают, зачем это нужно. Родители уже поняли многое, но все-таки отпускают ребят неохотно — жаль расставаться. И в день отъезда проливаются обильные слезы.

Льются слезы и в первое время житья в интернате. Все непривычно, все не нравится. Душно в деревянном доме, у которого нельзя приподнять полог. Невкусна непривычная еда.

Скучно сидеть за партой и писать какие-то ненужные крючки или разбирать трудные, не похожие ни на чей след строчки...

И они иногда удирают. Подкопив запас продуктов, они отважно пускаются в путь, который должен занять несколько дней, а, может быть, — и недель. Расстояние их не пугает.

Но почти всегда они возвращаются. И возвращаются уже добровольно. Как они сами говорят: «Увидали, что без знаний плохо».

И тогда уже больше не хотят уезжать домой. Прилежно учатся, чтобы вернуться, узнав многое такое, о чем раньше и не подозревали. Несмотря на молодость, они станут бригадирами рыболовецких и оленеводческих бригад. А колхозные олени стада так велики, что их трудно и сосчитать.

Часть же ребят не вернется домой и после школы. Это те, кто решил учиться дальше. Они поступят в Игарское педагогическое училище народов Севера.

В этом большом деревянном доме шумно и весело. Ненцы, эвенки, якуты, нганасаны, кеты — все живут здесь одной дружной семьей. Звонко хлопает мяч по дощатому настилу двора, когда учащиеся высыпают после занятий к волейбольной сетке. В садике, разбитом около училища, растут самые рослые и крепкие в Игарке березки.

Если вы придете вечером в гости в этот большой деревянный дом, вас примут радушно. Вам споют звонкими чистыми голосами любимые песни, расскажут много интересных историй.

Вот одна из них.

РАССКАЗ ОБ ОХОТНИКЕ

Охотники бывают разные. Особенно на севере, где охотятся почти все.

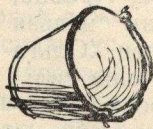
Этот охотник невысок ростом, его узкие черные глаза блестят и искрятся. Он часто смеется звонким, серебристым смехом и любит носить яркие вязанные жакеты.

Зовут его Ольгой. Да, это — молоденькая девушка из рода Хэвэкэ.

Ольга Момоль начала охотиться еще совсем маленькой девочкой. И охоту любит страстно до сих пор. А кроме охоты, ее всегда тянуло к учению. Но учиться удалось не сразу: родители не отпускали. Она проучилась один год, потом ее взяли из школы домой. Чум, где жила семья, стоял над обрывом. Глухая тайга покрывала высокие красные скалы, нависшие над маленькой речкой У-ки-кит-кон. Летом весь мир был зеленым. Нежная зелень берез перемежалась с темными колючими лапами хвойных и салатными ковриками ягеля. Ольга забиралась в мохнатые заросли и плакала о школе.

НАЧАЛО

Иногда отец брал ее с собой на охоту, но ружья в руки не давал. Ведь Ольге было всего девять лет. Ей разрешали только стре-

лять из лука по воробьям. Воробьи никому не нужны, никто их не ест, но все-таки Ольга стреляла. Много воробьиных душ уже было на ее совести, когда выяснилось, что стреляла она все-таки не зря.

Как-то раз они с отцом возвращались с охоты. В густом еловом лесу было уже темно. Но Ольга все же заметила высоко на сучке белку и стала просить у отца ружье. Отец не давал.

— Тогда стреляй сам! Уйдет белка.

Но и отец не стрелял. Честно говоря, он не видел белки. Ольга удвоила мольбы и совсем не по-охотничьи расплакалась. Тогда отец вложил в маленькие ручки ружье. Первым же выстрелом белка была убита наповал. И не просто убита, а по всем правилам — точно в голову.

С этого дня Ольга получила разрешение ходить на охоту.

ВСТРЕЧА

Ольга спускалась к реке за водой. Медведь — тоже. Ему было жарко в шубе и хотелось выкупаться. Оба не знали друг о друге, пока Ольга, поскользнувшись, не уронила ведерка. С оглушительным грохотом оно покатилося по камням. Испуганный медведь встал на задние лапы и приготовился достойно встретить невидимого врага. Звонкий враг подкатился к самым ногам медведя и затих. Медведь осторожно понюхал его. Пахло скверно — железом и человеком. Поддав ногой противную посудину, медведь бегом пустился обратно в лес.

А Ольга в это время со всех ног бежала домой.

Запыхавшись, она влетела в дом и затрепала так быстро, что мать ничего не могла понять. Наконец с трудом ей удалось разоб-
брать:

— Дай мне ружье, дай ружье, я пойду караулить его на берегу!

Мать ружье не дала. А так как юная Диана скандалила, кричала и топала ногами, мать потихоньку спрятала ружье в кустах.

Мать хорошо умела прятать, но Ольга еще лучше умела искать. Ровно через пять минут

она мчалась к реке, угрожающе держа ружье наперевес.

На берегу Ольга сидела долго, очень долго. И совершенно бесполезно. Она еще не знала, что если медведя напугать, он больше никогда не придет на то место, с которым у него связаны неприятные воспоминания.

ГЛАВА СЕМЬИ

Однажды тяжело заболел Ольгин отец. Теперь никто не запрещал ей ходить одной на охоту. Напротив, мать сама разбудила ее еще до рассвета. Сама поймала и оседлала ей оленя. Кроме дочери, некому теперь добывать для семьи пропитание.

Снег был неглубокий, только-только закрывал копыта оленя. И Ольга решила идти пешком, чтобы олень не вывихнул ногу на камнях. Вскоре ей удалось убить несколько белок и

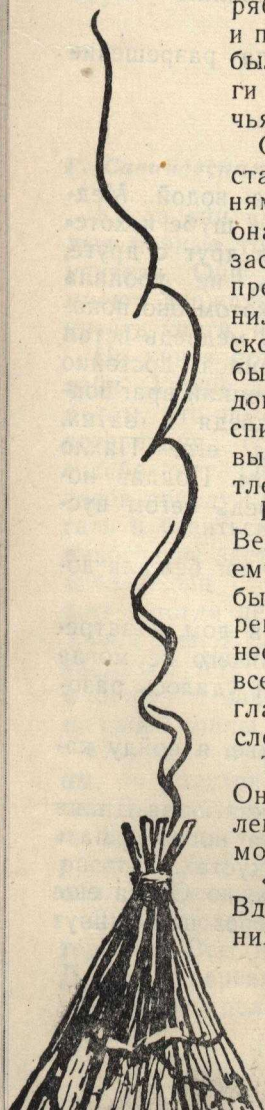
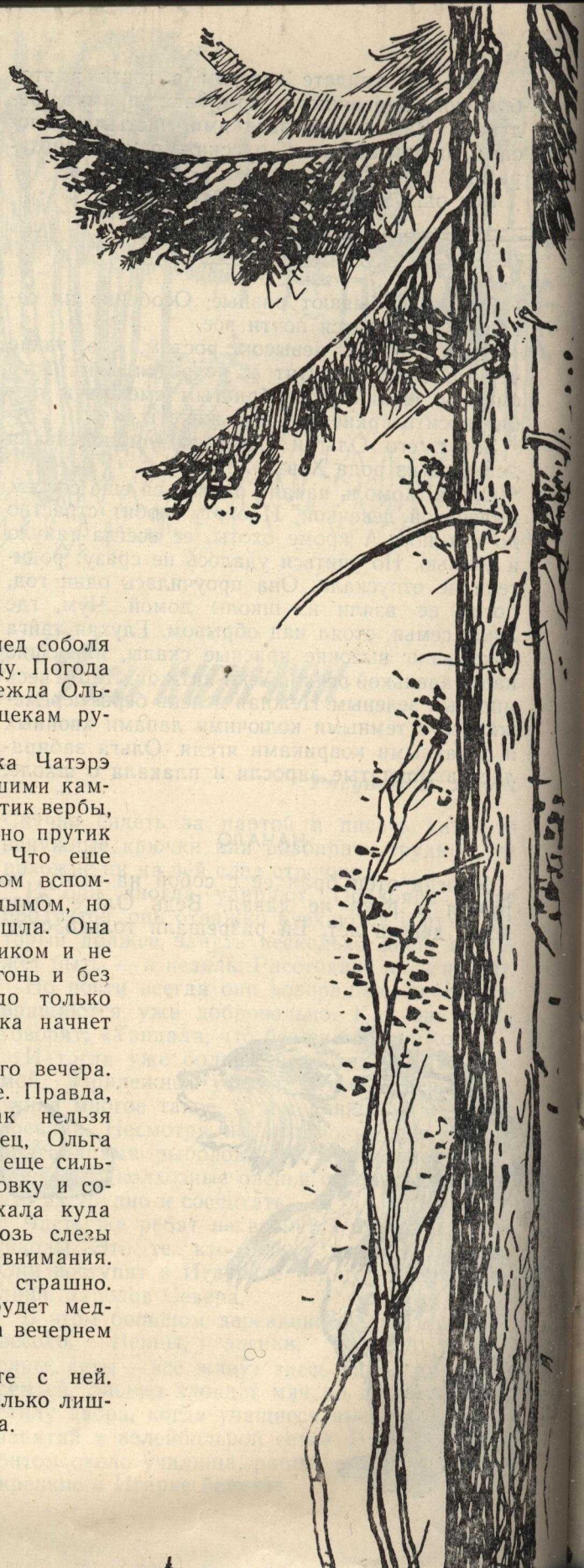
рябчиков. А потом она напала на след соболя и пошла по нему, ведя оленя в поводу. Погода была теплая, падал снежок. Вся одежда Ольги вымокла. Ей было жарко, по щекам ручьями бежал пот.

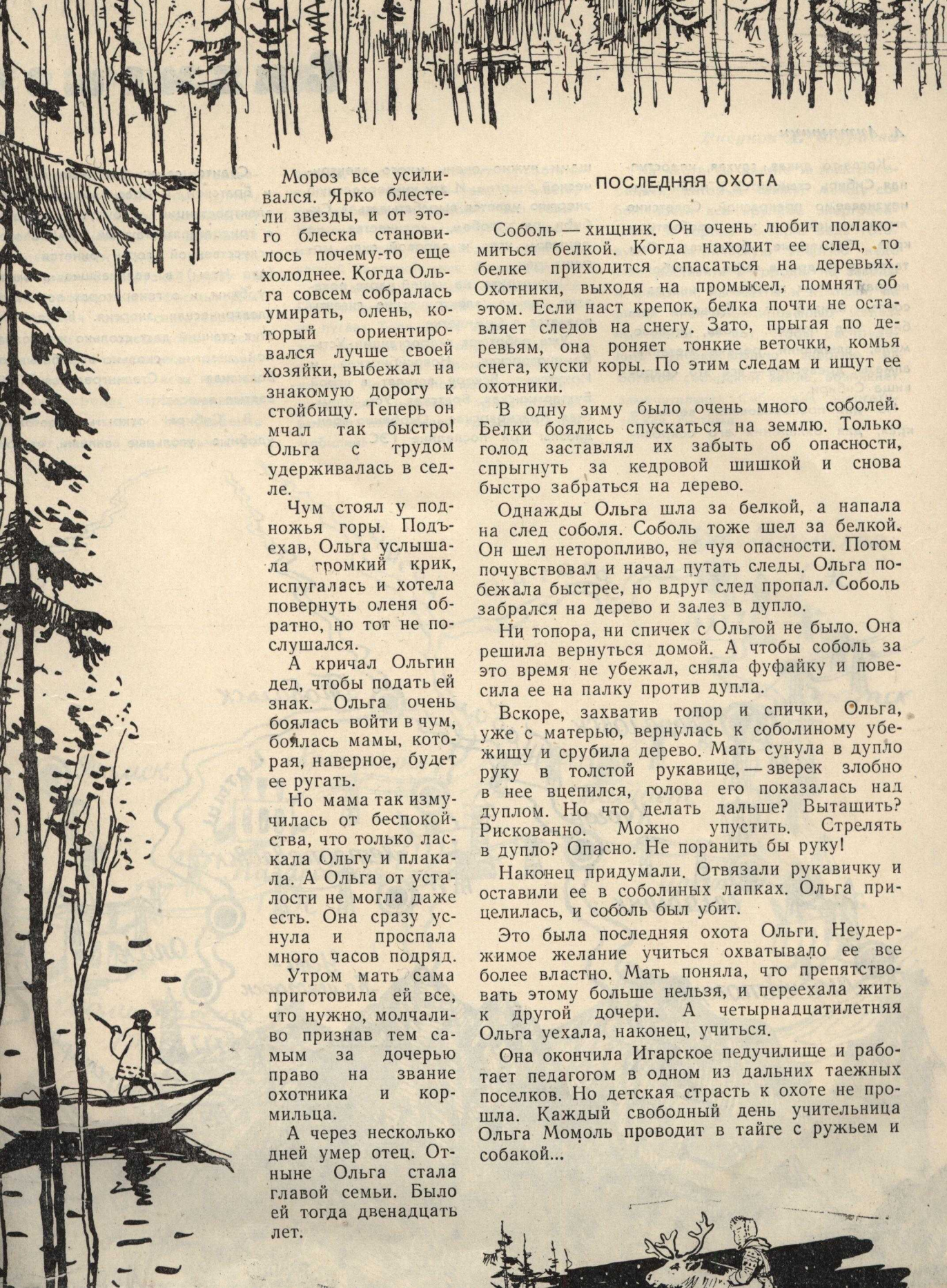
След внезапно пропал, но собака Чатэрэ стала рыть яму между двумя большими камнями. Ольга обрадовалась. Взяв прутик вербы, она принялась ковырять им в яме, но прутик застревал в извилистом проходе. Что еще предпринять, Ольга не знала. Потом вспомнила, что можно выгнать соболя дымом, но сколько ни искала спичек — не нашла. Она была еще слишком молодым охотником и не догадывалась, что можно зажечь огонь и без спичек — при помощи ружья. Надо только выстрелить в гнилушку, и гнилушка начнет тлеть.

Над ямой Ольга сидела до самого вечера. Ведь охотнику надо иметь терпение. Правда, ему не следует плакать. Но никак нельзя было удержаться. А когда, наконец, Ольга решила ехать домой, расплакалась еще сильнее, потому что потеряла ориентировку и совсем не знала куда ехать. Поехала куда глаза глядят, и, даже увидев сквозь слезы след медведя, не обратила на него внимания.

Темнота сгушалась. Ольге стало страшно. Она ясно представила себе, как будет медленно замерзать в одеревеневшей на вечернем морозе одежде.

«Обниму собаку и умру вместе с ней. Вдвоем будет немного теплее. Несколько лишних часов проживу...» — решила она.

Мороз все усиливался. Ярко блестя звезды, и от этого блеска становилось почему-то еще холоднее. Когда Ольга совсем собралась умирать, олень, который ориентировался лучше своей хозяйки, выбежал на знакомую дорогу к стойбищу. Теперь он мчал так быстро! Ольга с трудом удерживалась в седле.

Чум стоял у подножья горы. Подъехав, Ольга услышала громкий крик, испугалась и хотела повернуть оленя обратно, но тот не послушался.

А кричал Ольгин дед, чтобы подать ей знак. Ольга очень боялась войти в чум, боялась мамы, которая, наверное, будет ее ругать.

Но мама так измучилась от беспокойства, что только ласкала Ольгу и плакала. А Ольга от усталости не могла даже есть. Она сразу уснула и проспала много часов подряд.

Утром мать сама приготовила ей все, что нужно, молчаливо признав тем самым за дочерью право на звание охотника и кормильца.

А через несколько дней умер отец. Отныне Ольга стала главой семьи. Было ей тогда двенадцать лет.

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Соболь — хищник. Он очень любит полакомиться белкой. Когда находит ее след, то белке приходится спасаться на деревьях. Охотники, выходя на промысел, помнят об этом. Если наст крепок, белка почти не оставляет следов на снегу. Зато, прыгая по деревьям, она роняет тонкие веточки, комья снега, куски коры. По этим следам и ищут ее охотники.

В одну зиму было очень много соболей. Белки боялись спускаться на землю. Только голод заставлял их забыть об опасности, прыгнуть за кедровой шишкой и снова быстро забраться на дерево.

Однажды Ольга шла за белкой, а напала на след соболя. Соболь тоже шел за белкой. Он шел неторопливо, не чуя опасности. Потом почувствовал и начал путать следы. Ольга побежала быстрее, но вдруг след пропал. Соболь забрался на дерево и залез в дупло.

Ни топора, ни спичек с Ольгой не было. Она решила вернуться домой. А чтобы соболь за это время не убежал, сняла фуфайку и повесила ее на палку против дупла.

Вскоре, захватив топор и спички, Ольга, уже с матерью, вернулась к соболиному убежищу и срубила дерево. Мать сунула в дупло руку в толстой рукавице, — зверек злобно в нее вцепился, голова его показалась над дуплом. Но что делать дальше? Вытащить? Рискованно. Можно упустить. Стрелять в дупло? Опасно. Не поранить бы руку!

Наконец придумали. Отвязали рукавичку и оставили ее в соболиных лапках. Ольга прицелилась, и соболь был убит.

Это была последняя охота Ольги. Неудержимое желание учиться охватывало ее все более властно. Мать поняла, что препятствовать этому больше нельзя, и переехала жить к другой дочери. А четырнадцатилетняя Ольга уехала, наконец, учиться.

Она окончила Игарское педучилище и работает педагогом в одном из дальних таежных поселков. Но детская страсть к охоте не прошла. Каждый свободный день учительница Ольга Момоль проводит в тайге с ружьем и собакой...

А. Антрушин

Когда-то дикая, глухая, недоступная Сибирь становится в наши годы неузнаваемо прекрасной. Советские люди разыскали в этом необъятном крае безмерные богатства. Они таятся в тундре, в тайге, в глубоких недрах горных хребтов, а иногда и совсем близко, на небольшой глубине под почвой. Уголь, железо, медь, алюминий, редкие металлы, алмазы, древесина — все это сокровища Сибири.

Но для преобразования великого края, для овладения его сокрови-

щами нужно очень много электрической энергии. И эту универсальную энергию удастся вырабатывать в Сибири в любом количестве на дешевом угле и даровой силе могучих рек.

Посмотрите, на нашей карте показано, какие электрические гиганты появятся в Семилетке.

Уже работают гидростанции Усть-Каменогорская, Новосибирская и Иркутская. Вскоре вступят в строй Бухтарминская, Братская, Усть-Илимская, Красноярская... Особенно грандиозны три последние ГЭС.

Судите сами: бетонные плоты и Братской, и Красноярской гидроэлектростанций будут выше с тридцатипятиэтажный дом! С этой искусственной горы ринется вода (две Невы) в величайшие в мире турбины, и в генераторах возникнет электрическая энергия. Каждая из этих станций даст столько же полной энергии, сколько вырабатывала Волжская и Сталинградская ГЭС, взятые вместе!

В Сибири открыты настоящие удобные угольные залежи, что

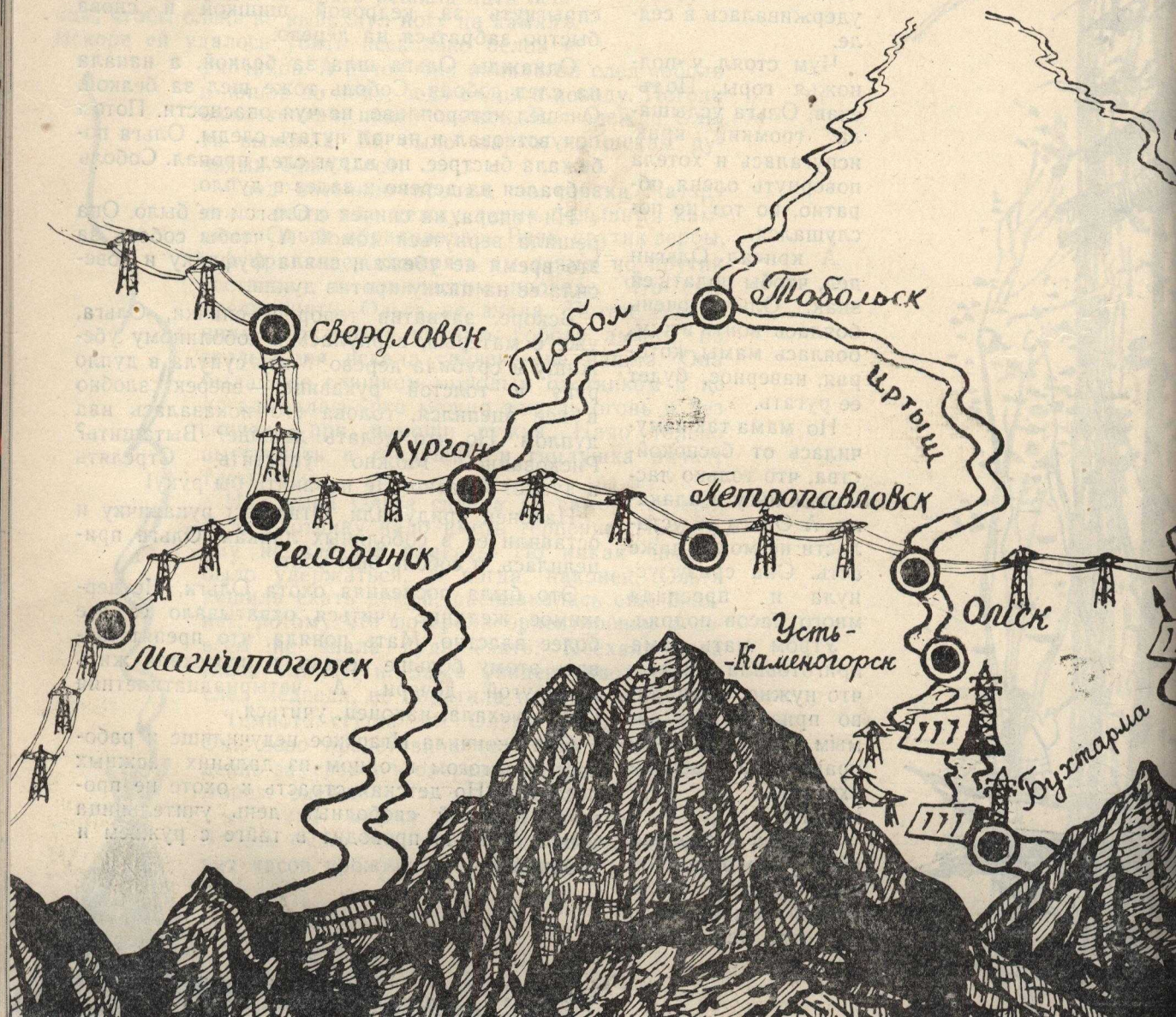

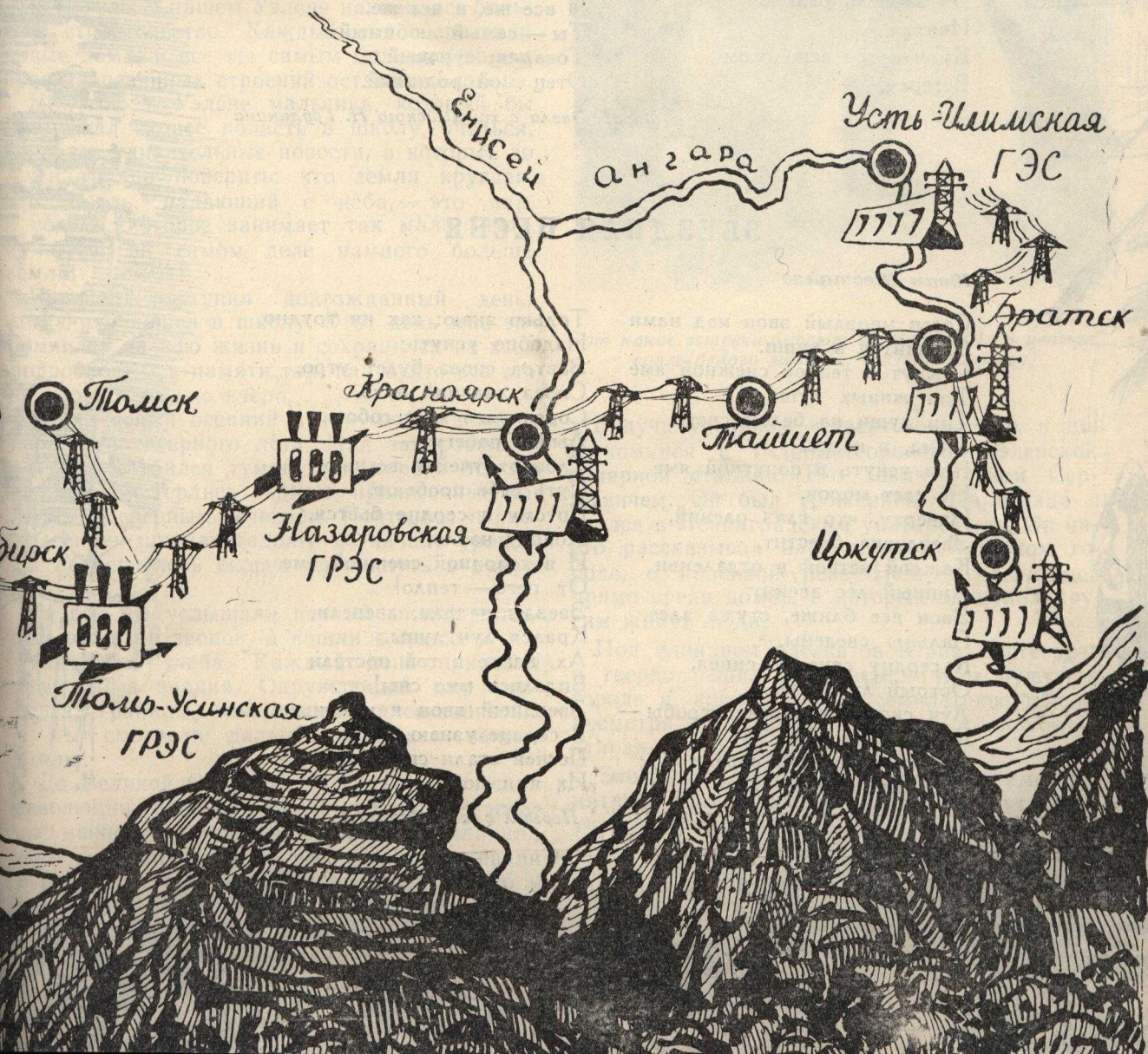
Рисунок А. Шураева

они строить шахт с дорогостоящим лабиринтом подземных «улиц», трудиться в них. Топливо залегают на малой глубине, и его добывают открытым способом, то есть экскаваторами с погрузкой сразу на железнодорожные платформы. Для этого остается только снять верхний слой земли с толстого пласта угольником шагающего экскаватора. Сейчас почти во всех крупных промышленных городах строят тепловые электрические станции. Но особенно интересны новинка два угольных ве-

ликана, которые будут работать вдали от городов — там, на месте, где добывается топливо. Это Томь-Усинская и Назаровская ГРЭС. Любая из них могла бы снабдить электрической энергией весь Ленинград.

Ежедневный «паек» Назаровской ГРЭС весит 24 000 тонн. Но это никого не пугает. Топливо не станут перевозить по рельсам. Уголь как бы сам потечет в пасты огромных паровых котлов. По транспортерам. Эти удивительные машины, транспортеры, заменят пять тысяч грузовых автомобилей!

На карте вы видите и электропередачи, которые свяжут между собой почти все крупные энергоцентры и города Сибири. Ведь готовую электрическую энергию надо еще доставить в города, на заводы и фабрики, на шахты и прииски, на линии электрифицированных железных дорог. И вот, чтобы распределить универсальную энергию на богатой сибирской земле, возникнет замечательная Сибирская энергетическая система.

ГОВОРЯТ ПОЭТЫ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

СЕВЕР

Прокопий Салтыков

Озера, озера,
Озера без края —
Ковши голубые,
Вода голубая.
Да заросли редкие
Ивняка,
Курчавятся всполохом
Ветерка.

Пусть беден ты, север,
Травой и листвою,
Пусть взял ты в подруги
Метели и вьюги
Земли снеговой —
И все же, и все же,
Ты — самый любимый:
Товарищ суровый,
Отец мой родимый.

Перевела с хантыйского Н. Грудинина

ЗВЕЗДНАЯ ПЕСНЯ

Юван Шесталов

Сосен мерзлый звон над нами
Слышится в тиши.
Стынут в теплой снежной яме
Три живых души.
Три души на белом свете:
Мама, я и пес.
Нам уснуть в попутной яме
Не дает мороз.
Наверху, что глаз олений,
Звездочка блестит.
Каждой веткой в отдаленьи
Лунный лес звенит.
Звон все ближе, стужа злее,
Пальцы сведены.
К сердцу тянется, синяя,
Острый луч луны.
Луч скользит через сугробы —
Кажется: вот-вот
Ледяным цветком навеки
В сердце прорастет!

Только знаю: как ни трудно,
Надобно уснуть:
Завтра снова будет утро,
Снова дальний путь.
Соревнуюсь меж собою,
Лыжи побегут —
Словно ручейки весною,
Путь себе пробьют.
Потому и сердце бьется,
Холоду назло,
И в холодной снежной яме
От него — тепло!
Звезды падали, звенели,
Крался луч луны.
Ах, какие в той постели
Виделись мне сны!
Звездный звон я и поныне
В сердце узнаю.
Песней стали сны лесные:
Их я и пою!

Перевел с мансийского Г. Семенов

Рассказ о себе

О. Рытхэу

Рисунки Н. Носкович

Я родился на северо-востоке нашей страны — возле мыса Дежнева, там, где начинается день.

На узкой песчаной косе протянулось два ярага. С одной стороны безбрежный Ледовитый океан, с другой — обширная, но мелкая лагуна. Таким я помню свое родное тойбище Уэлен.

Как и мои сверстники, я стал охотиться с ранних лет. Первой моей добычей была лисица. По старинному обычаю ее тотчас сварили и отдали съесть самым уважаемым старикам. Мне не досталось ни косточки.

В те годы в нашем Уэлене начиналось большое строительство. Каждый год вырастали новые дома, и все же самым большим домом среди деревянных строений оставалась школа.

Не было в Уэлене мальчика, который бы не мечтал скорее попасть в школу, учиться, узнавать удивительные новости, в которые допустить трудно поверить: что земля круглая, что дождь, падающий с неба, — это пар, что солнце, которое занимает так мало места на небе, на самом деле намного больше земли!

Наконец наступил долгожданный день, когда и я пошел в школу. Этот день мне запомнился на всю жизнь и сохранился во всех подробностях в памяти так, как будто все это произошло только вчера.

Стоял ясный осенний день — порог зимы и короткого северного лета. Над замерзающей лагуной клубился туман, а в море с легким шуршанием терлись льдины, принесенные холодным северным течением. Почти все первоклассники пришли задолго до начала уроков, им не терпелось скорее проникнуть в заветный дом.

И вот мы услышали первый звонок — первый в жизни звонок, и вошли в класс.

Началась учеба. Каждый день приносил нам новые знания. Окружающий мир раздвигал границы, словно поднимался горизонт, и мы смотрели дальше, открывая заново землю.

До Великой Октябрьской социалистической революции наш чукотский народ не имел письменности, и дорога к знаниям была для него закрыта. Поэтому все, что мы узнавали в школе, не в меньшей мере интересовало и наших родителей. Вместе с нами учились и они, удивляясь тем новостям, которые мы приносили из школы.

Вот какие встречи бывают на Чукотке! (В центре, возле белого медведя, — Юрий Рытхэу)

Будучи учеником четвертого класса, я познакомился с гидрометеорологом уэленской полярной станции. Его звали Юрием Сергеевичем. Он был уроженцем Ленинграда и учился в Ленинградском университете. Он часто рассказывал нам об этом чудесном городе, о красивой реке Неве, протекающей прямо среди домов, в которых один над другим живут люди.

Под влиянием рассказов Юрия Сергеевича я твердо решил побывать в этом чудесном городе и, когда окончил семилетнюю школу, несмотря на отговоры родных и знакомых, отправился в далекий путь.

Это было 27 июня 1946 года. Я не имел понятия о всех трудностях, которые могут встретиться мне на пути. Я хотел во что бы то ни стало добраться до чудесного города, где среди высоких домов течет красивая река Нева.

По пути, в эскимосском селении Наукан, я несколько дней охотился на морского

2

зверя, а затем попал в районный центр в бухте Лаврентия. Здесь в ожидании парохода я поселился у своего двоюродного брата, занимавшего в поселке уважаемую и почетную должность — он был милиционером.

Уже прошло почти полмесяца, а я все не мог уехать. Пароходы приходили, привозили товары, различные грузы и отправлялись дальше на север, совсем в другую сторону.

Однажды брат пришел домой особенно радостный. Он тащил на себе большой сверток. Через несколько минут он предстал передо мной в нарядном облачении — новой милицмейской форме с малиновыми погонами. Два ряда блестящих пуговиц проходили через всю его грудь. Широкий ремень с блестящей пряжкой стягивал живот. И подумалось мне тогда: каким должен быть счастливым человек, одетый в такую красивую, не-

виданную мной доселе одежду! Брат взглянул в мои глаза и все понял.

— Ты хочешь стать милиционером? — спросил он.

Я кивнул.

Брат критически оглядел меня с ног до головы, пощупал мускулы и прочитал лекцию о важности охраны порядка в районном центре, в котором насчитывается полтора человека.

Я старался выглядеть выше ростом и выпячивал грудь. Брат быстро заметил мою хитрость и строго сказал:

— Если хочешь быть милиционером, не пыжись!

На следующее утро мы отправились в районное отделение милиции. Начальник, вопреки моим ожиданиям, оказался приветливым человеком и пригласил меня сесть на широкий скрипучий диван.

— Нам национальные кадры нужны, — сказал он. — Молодец, что решил поступить на службу в ряды рабоче-крестьянской милиции. На, заполни анкету.

От радости у меня бешено заколотилось сердце. В один миг я забыл о Ленинграде и красивой реке Неве. Я добросовестно заполнил анкету и отдал ее начальнику.

Он просмотрел ее и нахмурился.

У меня похолодело в груди.

— Оказывается, дружище, ты еще не дорос до милицмейского возраста, — разочарованно протянул он. — Тебе еще два года расти, и только тогда может идти разговор о том, чтобы принять тебя в милицию.

Далеко отодвинулась красивая форма и малиновые погоны. И тогда снова всплыла в моей памяти мечта о чудесном городе. Теперь она казалась более близкой и достижимой.

Через несколько дней я отправился дальше — в бухту Провидения. Начиналась ранняя чукотская осень. С севера дули хо-

лодные ветра, над морем висело низкое серое небо. За плотными облаками трудно было угадать солнце.

...Порт предстал передо мной множеством больших кораблей. Они стояли на рейде и теснились около причалов. С кораблей доносилась музыка, и даже грохот портовых кранов не мог заглушить ее.

В бухте Провидения я прожил почти месяц, ожидая парохода в Анадырь. И здесь судьба снова свела меня со старым моим знакомым, гидрометеорологом Юрием Сергеевичем. Это случилось в день, когда я получал паспорт, без которого меня не могли принять на работу.

В паспортном отделе молоденький паренек в такой же красивой форме, как и мой двоюродный брат, оставшийся в бухте Лаврентия, взял из моих рук справку Уэленского сельского совета. Он долго изучал ее, хотя она была написана на русском языке.

— Как твоя фамилия? — спросил паренек.

— Рыхэу, — робея ответил я.

— Имя?

— Рыхэу...

— Отчество?

— Нету...

Паренек отложил справку и внимательно осмотрел меня.

— Послушай, — сказал он после минутного разглядывания. — Ты не древний грек и не император без номера. Ты — советский человек. И поэтому я не могу выдать тебе паспорт без имени и отчества.

— Так что же мне делать?

— Соображай.

— Выдумать мне, что ли, имя и отчество?

— Твое дело. Но без имени и отчества паспорт выписать не могу.

Тогда я разыскал Юрия Сергеевича и спросил, не могу ли я взять у него его имя и отчество, и объяснил, для чего это мне нужно.

Юрий Сергеевич охотно и без всякого сожаления разрешил мне воспользоваться его именем и отчеством! Таким образом я и стал Юрием Сергеевичем Рыхэу.

Приближалась зима. Окрестные сопки, возвышавшиеся над бухтой Провидения, посидели от снега, и яркое негреющее солнце тускло отражалось в загустевшей холодной воде бухты.

Наконец я дождался парохода, идущего в Анадырь. Он возвращался с севера, куда возил для охотников и оленеводов различные грузы. Пароход был пустой, и его сильно качало на волнах. Я подолгу стоял на корме и смотрел, как высунувшийся почти наполовину винт рубит зеленую воду.

Ранним утром пароход пришел в Анадырь — центр нашего Чукотского национального округа. Еще в бухте Провидения Юрий Сергеевич рассказал мне об условиях приема в университет, о том, что для поступления туда нужно иметь аттестат зрелости. Кроме того, зима была на носу и не могло быть речи о том, чтобы продолжать путешествие в Ленинград.

Два года я учился в Анадырском педагогическом училище. В летние каникулы мы ло-

2

вили в лимане рыбу. Наш участок находился в нескольких километрах от поселка. Там стояли три ставных невода. В холодные летние ночи я с товарищами забирался в палатку и подолгу рассказывал им о далеком чудесном городе.

Шли первые послевоенные годы. Страна испытывала большие трудности. Мы в училище все делали своими руками: ремонтировали комнаты, возили уголь на санях с противоположного берега лимана, добывали изо

льда и снега воду. В нашем общежитии было тепло только около печки, сделанной из двухсотлитровой железной бочки, а немного поодаль было так же холодно, как на улице. Мылись мы снегом. Наш умывальник как замерз в начале ноября, так и не оттаивал до конца апреля. Моего соседа Виктора Конченко, который спал у самых сней, в пуржистые ночи заносило снегом поверх одеяла.

Но мы как-то не замечали всех этих трудностей. Не это было главным для нас. Мы мечтали увидеть большие города, получить знания и вернуться к родному народу образованными людьми, помогать ему строить новую жизнь.

Через год я уже работал внештатным сотрудником газеты «Советская Чукотка», но мечта о Ленинграде не покидала меня.

Однажды, возвратившись из очередной редакционной командировки по рыбным промыслам, я пошел в библиотеку, толкнул дверь и разбудил спящих людей. Это не удивило меня: в этой комнате часто останавливались командированные.

Но здесь я встретился с человеком, имя которого знакомо каждому грамотному чукче. В комнате жил Петр Яковлевич Скорик, приехавший на Чукотку в научную командировку. Петр Яковлевич всю свою жизнь посвятил изучению чукотского языка. Он много лет прожил среди чукчей, учил их грамоте, писал учебники на их родном языке...

О многом переговорили мы в тот вечер. Петр Яковлевич и рассказал мне, что при восточном факультете Ленинградского университета открылось подготовительное отделение для народностей Крайнего Севера.

4 августа 1948 года я выехал в Ленинград.

Первый большой город, который я увидел, был Владивосток. Со мной были два моих товарища, ехавшие в Хабаровскую краевую партийную школу.

Однажды, гуляя по городу, мы забрели на рынок и были поражены обилием овощей и фруктов. Все, что здесь лежало, нам доводилось видеть только в консервных банках или на картинках.

Прохаживаясь между торговыми рядами, мы увидели и арбуз. Долго мы не могли оторвать от него глаз, пока нам не предложили купить его. Мы не могли отказаться. Такой огромный и красивый фрукт должен вмещать в себе прелесть и сладость всех плодов. Мы решили не откладывать пробу арбуза и тут же недалеко вытащили ножи и отрезали себе сверху по кусочку.

У меня от горечи свело скулы. По лицам товарищей я понял, что им тоже не сладко.

Выплюнув горькую корку, я предложил:

— Попробуем ковырнуть поглубже...

Товарищ запустил лезвие ножа в самую середину арбуза. Что-то захрустело, и по рукоятке ножа потекла жидкость.

— Наверное, арбуз испорченный, — сказал я.

Мы выбросили арбуз и сконфуженные побрели прочь от рынка.

В Хабаровске я расстался с товарищами и сел в поезд. Десять дней ехал из одного конца страны в другой, и с каждым днем, с каждым часом передо мной все больше открывалась красота нашей земли. На остановках я выходил из вагона и смотрел вдаль, где сходились рельсы железной дороги. Путь через всю страну показался мне коротким, потому что он был насыщен яркими впечатлениями. Будто я перелистывал большую книгу с картинками.

И вот, наконец, город, о котором я так мечтал.

4-е ноября 1948 года. В воздухе тысячами мельчайших капелек висит дождь. А вокруг — море электрических огней. От площади идет улица, прямая как стрела, и огни вдоль нее отражаются в мокром асфальте.

Еще в Анадыре Петр Яковлевич Скорик записал в моем блокноте свой адрес и рассказал, как добраться до его дома. Я вытащил блокнот и при свете витрины прочитал короткую запись: «На троллейбусе номер пять от вокзала до остановки Кирочная». Под адресом стоял рисунок, изображающий троллейбус.

Прощаясь со мной в Анадыре, Петр Яковлевич сказал: «Троллейбус — это машина с рогами». На привокзальной площади таких машин было слишком много, чтобы среди них можно было отыскать нужный номер. Во все стороны мчались машины с огромными рогами, сросшимися наверху и испускающими

искры. Пожалуй, лучше всего надеяться на собственные ноги.

Но где же эта прекрасная Нева с необыкновенной водой?

Я спросил у прохожего, как пройти к реке. Дорога шла по прямой, залитой огнями улицы. Я не знал, что это знаменитый Невский проспект. Я шел и наслаждался ощущением близости цели: где-то рядом со мной была красавица Нева.

Огни! Кругом огни! Казалось, таким количеством света можно было осветить всю чукотскую тундру от Полярного круга до Берингова моря. Огромные сверкающие витрины магазинов, фары машин... А я, выросший у моря, уже чувствовал близость воды...

Вот она — Нева! Широкая водная гладь посреди сверкающего океана огней. Действительность не обманула меня, — река была прекрасна! Тысячи огней переливались, отражались в воде. Я увидел причудливо отраженный город. Но невовская вода имела для меня непривычный запах — от нее пахло большим городом.

...Только поздней ночью я добрался до дома, в котором жил Петр Яковлевич.

Через несколько дней начались мои занятия в университете. Я поселился в общежитии и повел жизнь, какую ведут тысячи студентов.

Трудно сказать точно, когда я стал по-настоящему, по-писательски чувствовать жизнь. Может быть, в момент встречи с Невой, или еще раньше, когда я маленьким бегал на вершину горы Линлиннэй и оттуда смотрел на океанскую ширь, стараясь углядеть заморскую землю. Или тогда, когда я увидел впервые живые деревья?.. Гораздо точнее можно назвать время, когда я впервые показал свои работы ленинградскому писателю Александру Семеновичу Смоляну.

С этого времени — с 1952 года — началась моя совместная работа с ним. Александр Се-

менович был для меня не просто переводчиком. Он был старшим товарищем, литературным учителем и первым редактором.

В его переводе вышли мои книги на русском языке: «Друзья-товарищи», «Люди нашего берега», «Имя человека», «Судьба человека», «Чукотская сага». Совместная работа со Смоляном дала мне возможность перевести на русский язык мою последнюю книгу «Время таяния снегов»...

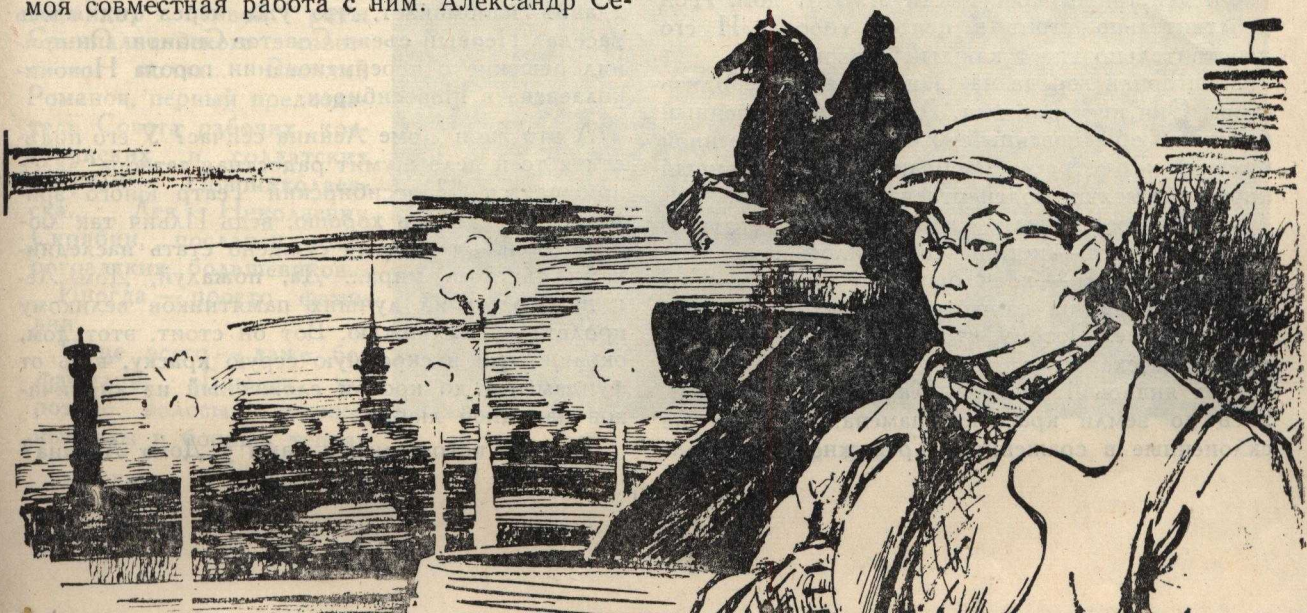
В прошлом году я возвратился из Ленинграда в свои родные края. Живу я в небольшом красивом городе на берегу Охотского моря, в центре нашей области — Магадане.

Работаю в газете «Магаданская правда», много езжу, встречаюсь с тружениками Севера — горняками, охотниками, оленеводами, работниками полярных станций. Эти встречи очень полезны для меня. Живое общение с будущими героями моих книг поможет мне правдиво отразить в будущих произведениях их жизнь и нелегкий труд в суровых условиях Севера.

Недавно я возвратился из поездки на остров Врангеля. Много впечатлений я получил из этой поездки. На далеком заполярном острове кипит жизнь. Здесь находится оленеводческий и зверобойный колхоз «Рассвет Севера», большая полярная станция, работающая по программе Международного Геофизического Года.

Помимо газетной работы сейчас я заканчиваю вторую книгу «Время таяния снегов». Приходится много раздумывать над судьбами своих героев. Хочется написать книгу лучше, чем предыдущие мои работы, ибо, если заведомо знаешь, что вещь будет хуже, то лучше и не браться за перо.

Магадан

УГОЛОК БЕССМЕРТИЯ

Илья Фоняков

ДОМ ЛЕНИНА

— Да, да, это совсем близко. В самом центре. У Дома Ленина...

Случайно услышанная на улице фраза повергает в недоумение приезжего человека. Дом Ленина — в Новосибирске? Разве Ильич жил когда-нибудь в этом городе? Что-то не отмечен подобный факт в трудах биографов...

А до слуха уже долетает обрывок другого разговора. Юноша напоминает своей спутнице:

— Так, значит — договорились? Ровно в восемь, у Дома Ленина...

Если хорошенько порыться в памяти, можно вспомнить: в Новосибирске — тогда он назывался Новониколаевском — Ленин был. Очень недолго — проездом в шушенскую ссылку. На месте нынешнего огромного вокзала, который новосибирцы не без оснований считают лучшим в стране, стоял тогда крохотный деревянный вокзальчик станции Обь. Там, в ожидании поезда, политический ссыльный Владимир Ульянов написал письмо своей матери Марии Александровне.

Но — Дом Ленина! Это что-то совсем другое...

Он действительно существует, этот дом. И он действительно стоит в центре города. И его действительно знает каждый новосибирец.

...Историки города на Оби буквально сбились с ног. Они ищут... билет. Да, да, обыкновенный билетик, обыкновенный клочок обыкновенной бумаги, на котором изображен обыкновенный кирпич. Тысячи людей отвечают:

— Как же, видели. Сами в руках держали. А сохраниться — нет, не сохранилось...

А историкам — хотя бы один билетик! Его поместили бы на самое видное место в музейной витрине. Потому что этот билет способен многое рассказать о Доме Ленина.

Был январь 1924 года. Качнулись и склонились до земли красные знамена, ни разу не склоненные в сражениях. Тревожно и скорбно

Дом Ленина

заплакали фабричные гудки. Замерло на минуту движение. Ленина не стало.

Теперь уже и не доискаться, наверное, кому в Новониколаевске первому пришла мысль: построить любимому вождю необычайный памятник — дом. И назвать его — Домом Ленина. Тогда-то и были выпущены в свет билеты, которых никак не могут теперь найти историки. Рабочие покупали вместе с «кирпичиком» тяжелого ржаного хлеба и «ленинский» билетик. Ребятишки разбивали дареные глиняные копилки. Всем хотелось положить свой кирпич в стену Дома Ленина.

...Постройка большого здания не потребовала ни копееки государственных средств. Закончен был Дом Ленина в небывало короткие для того времени сроки. Мемориальная доска на фасаде здания напоминает, что уже через год здесь заседал Первый съезд Советов Сибири. Он принял решение о переименовании города Новониколаевска в Новосибирск.

А что же в Доме Ленина сейчас? У его подъездов то и дело шумит радостная детвора: здесь помещается Новосибирский Театр юного зрителя. И это очень хорошо, ведь Ильич так любил детей — тех, кому суждено стать наследниками светлого мира... Да, пожалуй, Дом Ленина — один из лучших памятников великому пролетарскому вождю. Вот он стоит, этот дом, окрашенный в скромную серую краску, весь от фундамента до кровли сложенный из кирпичиков народной любви.

Так мы встретимся с вами у Дома Ленина?

КАМЕННОЕ ПЛАМЯ

В прошлом города имели гербы. Если бы эта традиция сохранялась и сейчас, то на гербе Новосибирска, наверное, был бы изображен горящий факел...

Обогните здание Новосибирского Театра юных зрителей — Дом Ленина, приоткройте калитку и... вы окажетесь в царстве какой-то особенной тишины и покоя. Словно бы невидимые стены оградил этот небольшой сквер от городского шума. Нет, не в этом, наверное, дело. Просто мы сами в такие минуты невольно перестаем слышать посторонние звуки.

Перед нами, над бесформенной каменной глыбой, прямо из земли поднялась могучая рука рабочего. Она сжимает пылающий факел. И ни ветер, ни дождь не гасят каменное пламя.

Это памятник на братской могиле Ста четырех. Сто четыре сибирских большевика были зверски зарублены колчаковцами перед отступлением из города в январе 1920 года. Они похоронены под этим камнем.

В исторических архивах можно найти выцветшую фотографию. Глубокий ров доверху заполнен трупами. В тяжелом молчании застыли по его сторонам те, кто освободил город. Они так немного опоздали!

Скорбный и страшный снимок...

В газете «Красное знамя», издававшейся тогда в Новониколаевске, в номере за 22 января 1923 года, помещен список замученных. Федор Алексеевич Страхов, бывший командир первой роты Семипалатинского советского полка... Василий Романов, первый председатель Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Новониколаевска... Лев Николаевич Скрябин, посланец петроградских большевиков...

Иногда — просто фамилии.

Чаще всего — даже без фамилий: «Брюнет, короткие волосы, стриженные усы и борода, теплая

коричневая тужурка, черные брюки, солдатская папах». «Брюнет, коротко острижен, деревенский зипун, на ногах — глухие кандалы». «Рыжий, лет 30».

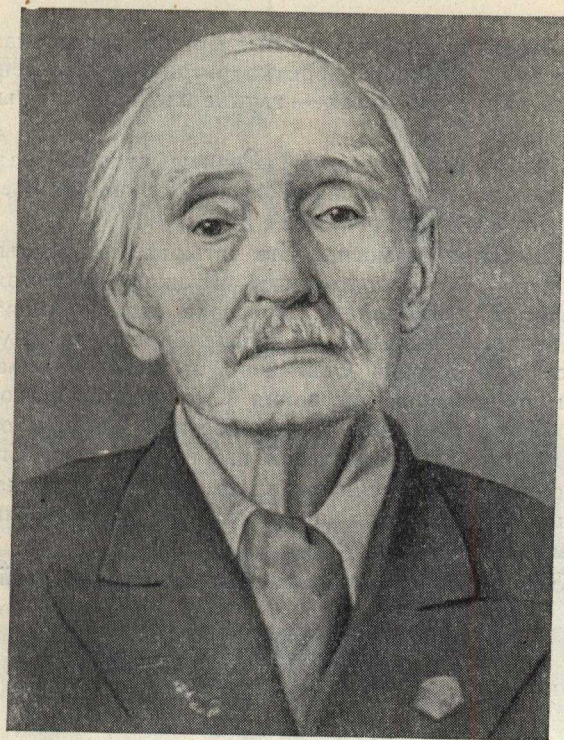
Это — целая повесть. Разные судьбы, разные люди, объединенные общим делом и общей смертью во имя его...

Памятник на могиле Ста четырех был открыт в день пятой годовщины Великого Октября. Автор его неизвестен, называли разные имена. Наконец, недавно в Новосибирск пришло письмо из города Сengiля Ульяновской области, от учителя рисования Сибирякова. Автор сообщал, что, живя в молодости в Сибири, он был одним из создателей памятника. Нет, Сибиряков не рассчитывал на «кусочек славы»! Он просто просил прислать ему фотографию памятника.

Это очень характерно. Так ли важно, «чей»

Памятник Ста четырех

Андрюен Лежен

он — этот памятник? Он — наш, народный. Народ воздвиг его в память о своих сынах.

Скоро сорокалетие освобождения Сибири от колчаковщины. В сквер Героев революции — так называют его новосибирцы — перенесен прах многих борцов за Советскую власть в Сибири. Над их могилами устанавливают мраморные плиты, бюсты.

...И все-таки памятный сквер — не кладбище! Не о смерти, а о бессмертии говорит он. Вечно рвется ввысь каменное пламя факела, чуть слышно шелестит молодая листва.

А новосибирские пионеры четким строем приходят сюда принимать от своих новых товарищей первую в жизни клятву на верность коммунизму, делу, за которое боролись и умерли Сто четыре.

СТО ПЯТЫЙ

«Сто четыре их было... А я — о сто пятом...»
Так пишет в своем стихотворении новосибирский поэт Леонид Чикин.

Памятник Сто пятому — тут же, рядом. Этот человек умер почти на четверть века позже

тех, кто похоронен в братской могиле. И все-таки он — брат им. Брат по духу.

Надпись на скромной плите сделана по-русски и по-французски.

«Андрюен Лежен. 1846—1942. Французский коммунар».

Около ста лет прожил на свете ветеран Парижской коммуны, один из тех, кого Карл Маркс называл «штурмующими небо», член первого в истории нашей планеты правительства пролетариев. Много повидал он на своем веку. Двадцати пяти лет от роду он сражался на улицах Парижа с озверевшими наемниками Версаля. Он был в числе защитников последней баррикады коммунаров в Бельвиле. Лишь по случайности избежал Андрюен Лежен смертной казни: мгновенную смерть ему заменили медленной — каторгой.

Через десять лет ему удалось вернуться во Францию. Но ошиблись те, кто рассчитывал испытаниями убить в нем веру в торжество дела Свободы. Лежен снова с головой уходит в революционную работу. В 1922 году — в год рождения Коммунистической партии Франции, — Лежен становится коммунистом.

Восьмидесятидвулетним стариком Андрюен Лежен приехал жить в Советский Союз — страну его мечты...

Это — всего лишь сухой пересказ фактов. Но как-то не хочется прибегать к словесным украшениям, когда сама жизнь звучит, как поэма.

С фотографии на нас смотрит тонкое, по-старчески красивое, типично французское лицо. Седые волосы и молодые глаза. Должно быть, проникателен и решителен, подвижен и остроумен был этот старик...

В последний день 1941 года, за неделю до смерти, Андрюен Лежен, эвакуированный с началом войны в Новосибирск, писал фронтовикам, находившимся на излечении в госпитале:

«Вы боретесь не только за свободу и счастье молодого поколения Советской страны, но и за свободу и счастье молодого поколения всего мира, во имя освобождения человечества от кровавого фашизма...»

...А город живет своей жизнью. Воскресный, солнечный день. Быстро пустеют троллейбусы на остановке «ТЮЗ»: сегодня идет спектакль «Пароход зовут «Орленок». О первых комсомольцах, о тех, кто боролся за наше Сегодня, рассказывает пьеса.

Вот что можно рассказать об одном только уголке Новосибирска — «Уголке бессмертия».

Новосибирск

ЗАГАДКА ТУНГУССКОЙ ТАЙГИ

„БОГ ГРОМА“

— Я не видал, — мой дядя видал Бога Грома. Страшный, однако, он. Когда летел, — небо сломалось. Солнца не было. Тайгу из земли по-выдергал, пожар, чумы ломал, оленей побил много. Не только люди — земля от страха тряслась.

Потом дядя скоро помирал. Бога Грома смотреть нельзя. И ты померешь, если туда пойдешь. Дурное место!

Леонид Алексеевич Кулик плотнее запахнул шубу и усмехнулся. А ведь старик-эвенк, пожалуй, прав: пока доберешься до этого самого «дурного места», десять раз можно помереть.

Опять начинается вьюга. Струи поземки заматают дорогу. Мороз крепчает. Не спасают валенки и рукавицы. Уже две недели тащатся лошади, а до фактории Вановара еще почти полдороги. Не сбиться бы с пути...

И все-таки он не жалел, что отправился в экспедицию. Ради настоящей цели можно и потерпеть. А цель была. Настоящая.

Иногда природа загадывает такие загадки, над которыми ученые бьются долгие годы, иной раз — всю жизнь. Именно с такой загадкой и довелось столкнуться советскому геофизику Л. А. Кулику.

30 июня 1908 года в Сибири произошло удивительное событие.

В ясное солнечное утро, когда ничто не предвещало грозы, на небе

появился огромный огненный шар. Он быстро пронесся над тайгой, оставляя густой дымный след, и скрылся за горизонтом. В ту же минуту раздался оглушительный грохот. Затем еще и еще. Не то взрывы, не то раскаты грома.

А потом началось землетрясение — качались дома, вылетали стекла, валилась с полок посуда. Мычали перепуганные коровы...

На огромном пространстве северо-западнее Байкала жители сел и становищ, отстоявших на сотни километров друг от друга, видели пламя в небе и слышали грохот. Тех, кто был поближе, обожгло жарким ветром и сбило с ног.

А вечером объявились новые чудеса: не темнело. Все небо покрылось легкими серебристыми облаками. Надвигалась ночь, — а на улице было по-прежнему светло, как днем.

Белые ночи наступили и в Париже, и в Берлине, — словом, по всей Европе. А землетрясение почувствовали приборы не только в Европе, но даже в Америке и Австралии.

Было похоже, что где-то в тайге, неподалеку от реки Подкаменная Тунгуска, упал метеорит, но такой огромный, какие падают на Землю, может быть, раз в несколько тысяч лет.

НАДО ИСКАТЬ

Тогда, в 1908 году, никто по-настоящему не заинтересовался Тунгусским метеоритом. Даже место его падения не пробовали искать. В некоторых газетах появились заметки очевидцев Тунгусского чуда, — и всё. Наука молчала.

Так прошло тринадцать лет. В 1921 году, когда еще не кончилась гражданская война и Советская Россия боролась с голодом и разрухой, в Сибирь отправилась первая метеоритная экспедиция Академии Наук. Руководил ею Л. А. Кулик.

Экспедиция начала собирать сведения о метеоритах, которые падали в тех краях. Здесь-то Леонид Алексеевич и услышал рассказы о метеорите — «Боге Грома», как называли его кочевники-эвенки.

Представив себе картину грандиозной катастрофы 1908 года, Кулик понял, какое огромное значение для науки имеет ее исследование. Понял — и на всю жизнь «заболел» Тунгусским метеоритом.

Он попытался сразу же отыскать место его падения, но пришлось вернуться. Снаряжение было скудное, а проводники-эвенки отказывались идти к «Богу Грома».

Приехав в Петроград, Кулик сделал подробный доклад в Академии Наук, и в 1927 году была снаряжена экспедиция специально на поиски Тунгусского метеорита.

НАШЛИ!

Каждый шаг в тайге давался с трудом. Несколько километров от фактории Ванавара — нескольких домиков заготовителей пушны — шла узенькая охотничья тропа. Потом исчезла и она. Олень проводника шел легко, зато груженные экспедиционные лошади то и дело проваливались в сугробы. Приходилось разгребать снег и вытаскивать их.

Чаша стала сплошной. Топором прорубали дорогу и медленно продвигались вперед. Метр за метром.

Наконец появились первые следы катастрофы — поваленные и сломанные деревья.

Кулик писал в дневнике:

«Не видно отсюда, с нашего наблюдательного пункта, и признаков леса; всё повалено и сожжено, а вокруг многоверстной каймой на эту мертвую площадь надвинулась молодая двадцатилетняя поросль... И жутко становится, когда видишь де-

2

сяти-двадцативершковых великанов, переломанных пополам, как тростник, с отброшенными на много метров к «огу вершинами».

Так шли целый месяц. Сто километров пути через поваленный исковерканный лес.

Наконец добрались. Впереди открылась болотистая низина, окруженная холмами. А вокруг, на десятки километров, лежали вековые деревья, вывороченные с корнем. Они лежали веером, корнями к болоту.

Около самой низины стволы и ветви были обожжены, словно большим пожаром.

Без сомнения, это было то самое место.

ГДЕ ЖЕ МЕТЕОРИТ?

Казалось, надо только начать раскопки, и найдутся остатки метеорита.

Когда метеориты — каменные или железные осколки небесных тел, — залетают в земную атмосферу, они чаще всего сгорают, не долетев до Земли. Но если это — большой обломок, то он не успевает сгореть, а падает на землю, образуя воронку.

Судя по всему, метеорит, который упал здесь, был огромной махиной весом в миллионы тонн. Л. А. Кулик не сомневался, что найдет кратер и на дне кратера — самый метеорит.

Но не тут-то было.

Именно теперь, когда Кулик обнаружил место падения метеорита, и начались настоящие загадки.

Кратера не оказалось.

На десять километров тянулась низина с болотом на южном конце, но нигде — никаких следов огромной воронки.

Может быть, метеорит раскололся еще в воздухе?

На всхолмленной болотистой равнине виднелись небольшие углубления. Стали их раскапывать. Экспедиция за экспедицией отправлялись в тайгу. Во главе их бесменно, самоотверженно работал Л. А. Кулик.

Но проходили годы. Вынули тонны земли. А никаких осколков метеорита в земле не оказалось.

ГОЛОС УЧЕНЫХ

Наконец, после экспедиции 1939 года, ученые стали подводить итоги. Надо было решать, что и как искать дальше.

Факты были такие. Там, где упал метеорит, на огромной площади диаметром в 35—40 километров выворочен с корнем и повален таежный лес.

В центре, у низины, деревья обожжены.

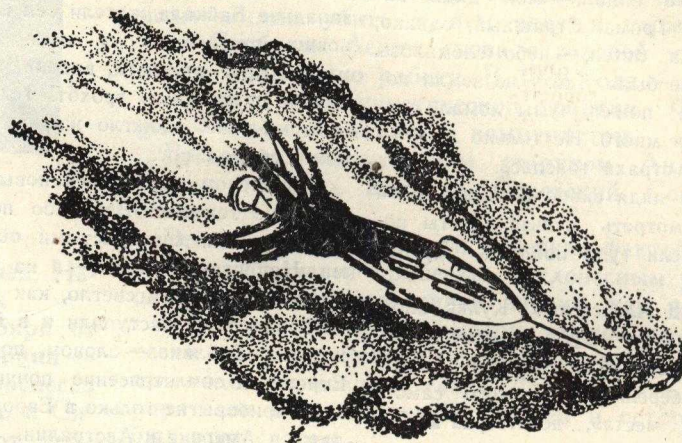
Кратера и осколков нет.

Близ центра болота, как телеграфные столбы, стоят обожженные деревья без веток. Почему-то они остались стоять.

Некоторые ученые возражают: с момента падения метеорита до 1939 года прошло тридцать с лишним лет. За это время кратер мог заболотиться, порости мхом. К тому же на небольшой глубине начинается вечная мерзлота. Она так тверда и устойчива, что даже при грандиозном взрыве кратер мог оказаться не очень большим. Значит, кратер просто трудно найти.

Ученые говорили: «Ищите тщательно! Кратер обязательно обнаружится».

Но оставалось еще одно, совершенно непонятное обстоятельство: каким образом оказался невредимым «телеграфный лес»? Чтобы деревья

Что же значат факты, и куда делся метеорит?

Первая мысль ученых была такая: огромный метеорит летел очень быстро — много быстрее звука. При ударе о землю вся энергия его движения перешла в теплоту. Развилась очень высокая температура (ведь даже маленькие камешки, если их ударить друг о друга, дают искры) — и произошел ужасающей силы взрыв. Метеорит при этом мог разлететься на мельчайшие частицы, почти пылинки.

Часть этой пыли взлетела высоко в атмосферу и образовала там серебристые облака. Остальная часть развеялась по тайге.

Такой взрыв мог выкорчевать и опалить деревья; он объясняет и отсутствие осколков. Но где же кратер? Ведь от взрыва должен был остаться кратер?

Остались стоять, взрыв должен был бы произойти в воздухе, над лесом.

Решили ждать результатов следующей экспедиции.

Однако снова отправиться в тайгу исследователям в ту пору больше не довелось. Началась Великая Отечественная война, и не время было думать о метеоритах. Леонид Алексеевич Кулик ушел добровольцем в народное ополчение и погиб на фронте, так и не успев разгадать загадку «Бога Грома».

А ЧТО ЕСЛИ...

Но о Тунгусском метеорите не забыли.

Новая гипотеза родилась совершенно неожиданно. Писатели-фантасты А. Казанцев и Б. Ляпунов высказали мысль, которая звучала невероятно смело, даже дерзко, но очень увлекательно.

А может быть, это был вовсе не метеорит?

Взрыв, по-видимому, произошел над землей. А метеорит сам по себе не мог взорваться в воздухе, — говорят они.

Значит — это было что-то другое.

А что, если это был... межпланетный корабль, который при посадке на землю потерпел аварию и взорвался?

Может быть, это был гость из другой солнечной системы. А может быть — с одной из соседних с нами планет. Астрономы думают, что в какой-то форме жизнь существует на Марсе, а может быть, и на Венере. Почему бы не предположить, что корабль прилетел оттуда?

Всё могло происходить так.

Гости из межзвездных пространств летели к Земле. Понемногу космическая скорость сбавлялась, и корабль стал искать места для посадки. Вероятно, путешественников привлекла ровная поверхность пустынь Монголии. Однако по какой-то причине приземлиться там они не смогли. Корабль пронесся мимо, и где-то над тайгой, у Подкаменной Тунгуски, произошла катастрофа. Взорвалось атомное горючее.

Тогда понятно, почему взрыв произошел над землей...

Мало того. Астрономы рассчитали, что если бы разумные существа собрались лететь с Венеры на Землю, то они выбрали бы для этого время противостояния двух планет, то есть приземлились бы как раз 30 июня 1908 года!

Конечно, верить в эту идею заманчиво. Но, к сожалению, никаких доказательств у ее сторонников пока еще нет.

Нет сведений о том, что на Венере живут разумные существа. За 50 лет никаких попыток лететь на Землю больше не было.

Единственной поддержкой этой гипотезы могли бы быть следы радиоактивного распада, если бы их удалось обнаружить на месте катастрофы. Даже если 50 лет назад здесь произошел атомный взрыв, следы его в окружающей почве и растениях обязательно сохранились бы. Но до последнего времени таких сведений не было.

Оба «лагеря» с нетерпением ждали результатов следующих экспедиций.

В прошлом и нынешнем, 1959 году состоялись такие экспедиции.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Как изменились с тех пор здешние места! Как будто и не было нищих кочевий, бедных, заброшенных тунгусских жилищ.

Проходя по улицам районного центра Ванавара, мимо каменных домов, аэропорта, больницы, школы-десятилетки, трудно представить себе, что тридцать лет назад здесь была крошечная фактория с горсткой людей, затерянных в тайге.

Многое изменилось за тридцать лет и на Южном болоте. На месте завалов выросли молодые деревья и кустарник.

Сильно заросло и само болото.

Но следы взрыва — десятки километров поваленных деревьев вокруг низины — были попрежнему видны.

Экспедиции собрали огромные материалы. Сейчас ученые обрабатывают и изучают их.

И вот уже выяснились два интересных факта. Когда исследовали образцы почвы, которые привез из тайги Кулик, в них оказались мельчайшие частицы метеоритного вещества: сплав железа с никелем. Это говорит за то, что взорвался метеорит.

С другой стороны, на месте катастрофы уловили несколько повышенную радиоактивность. Если это так, то возможно, что, действительно, здесь был атомный взрыв.

Но что это был за взрыв? Взорвалось ли атомное горючее космического корабля или от очень высокой температуры при ударе метеорита началась термоядерная реакция — как в водородной бомбе или на Солнце — об этом, наверное, еще расскажут материалы последних экспедиций.

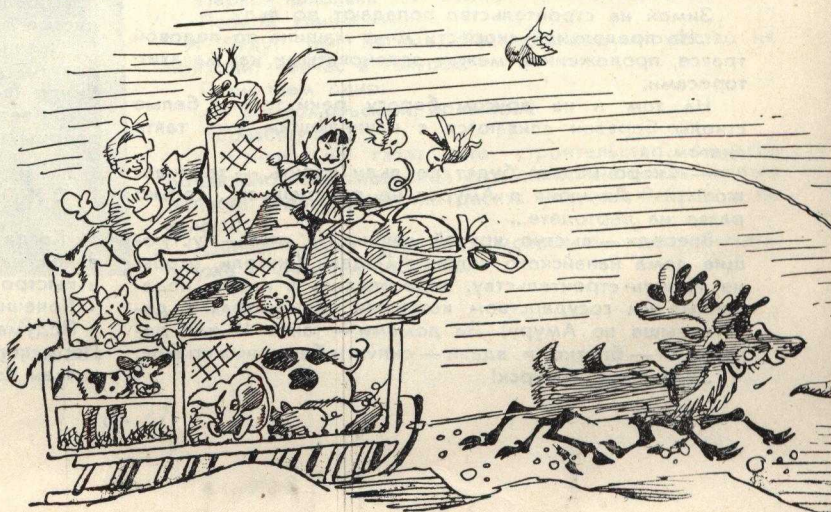
Вы спросите, обо что ударился метеорит, если взрыв был в воздухе. А не мог он удариться о «воздушную подушку», которая образовалась перед метеоритом, когда он летел в атмосфере с огромной скоростью?

Ученые еще не ответили точно на все эти вопросы. Тунгусское чудо пока остается загадкой. Но мы надеемся, что эта увлекательная загадка скоро будет разгадана.

Записала Н. Неуймина

III

- Здорово, ребята. Как вас зовут?
- Его Вася зовут, меня Окотетто зовут, тебя Сергей Лукин зовут.
- Откуда вы знаете?
- Газету читали. Ты председатель школьного колхоза. Так?
- Верно. Можете наш подарок захватить?
- А какой подарок?
- Свины с поросятами, телята да урожай с восьмидесяти га.
- Га! Ого! Разве олени сvezут?
- А у нас в колхозе два трактора. Поехали на 49-ю страницу.

ГОРОДА-БРАТЯ

В. Торопыгин

С детства я много слышал и читал о Комсомольске-на-Амуре.

О том, как причалили к таежному берегу пароходы «Колумб» и «Коминтерн»...

Как песнями и кострадами разгоняли комсомольцы несметные тучи мошкары...

Как возникали дома и заводы на месте векового леса...

А недавно я узнал, что неподалеку от Комсомольска, в тайге, строится новый город — Амурск. Мне рассказали о первых днях его жизни, очень похожих на строительные будни знаменитого города юности.

Обстоятельства сложились так, что я смог выехать на новостройку...

ДАЛЕКО ЛИ АМУРСК?

Далеко ли Амурск?

Всем известно: на Амуре, на Дальнем Востоке.

На Дальнем?

А так ли уж это, действительно, далеко?

Нет!

Дальним Восток был раньше.

В старину, на лошадях, до Амура добирались почти полгода. По железной дороге ехать туда больше недели.

А на самолете «ТУ-104» вы попадете в Хабаровский край за восемь — десять часов.

Нет, не «дальний» теперь Дальний Восток!

Но в Амурске пока нет аэродрома. Даже простая дорога туда еще не проложена.

Летом к новому городу ходят по Амуру катера.

Зимой на строительство попадают по льду.

...На предельной скорости мчит машина по ледовой трассе, проложенной между зеленоватыми, как малахит, торосами.

На том и на другом берегу реки тонкие белые стволы березок сливаются с начинающим уже таять снегом.

— Скоро нельзя будет по льду ездить, — замечает шофер. — До июня в Амурск не доберешься... Только разве на вертолете...

Впереди — выступ крутой сопки. На нем — пустующие дома нанайского селения Падали (жители, чтобы не мешать строительству, переселились в новые, подаренные им государством коттеджи, километрах в десяти выше по Амуру). За домами — тайга. И над деревьями — близко и вдали — силуэты башенных кранов. Здравствуй, Амурск!

Здесь будет Амурск...

Фото И. Панина

НА ПЕРВЫХ УЛИЦАХ

Стройка в разгаре.

Через пни, ухабы и лужи по склону сопки движутся самосвалы. Ветер гонит к реке ползучий дым костров.

На огромной высоте краны проносят бетонные плиты перекрытий. Строятся первые дома. Приглядевшись, можно заметить очертания будущих улиц.

Каменщики и штукатуры — самые почетные люди в Амурске.

Целую зиму амурцы жили в палатках. При сорокаградусном морозе. Согреваясь лишь маленькими чадающими печурками. К следующей зиме всех надо переселить в настоящие квартиры. Вот почему так торопятся на стройке жилых кварталов. Вот почему здесь так уважают труд строителей домов.

Тайга не только вокруг. Она остается иногда и на улицах города.

Раньше на новостройках выкорчевывали все деревья. И часто на просторных площадях новорожденных городов приходилось заниматься «зелеными насаждениями». Амурцы расчетливей: в окна только что построенных зданий уже сейчас заглядывают разлапистые ели и сосны, ветки дальневосточной сирени.

Зеленым кольцом будет отделен от жилых кварталов Амурска и гигантский целлюлозно-бумажный комбинат: фабрики волокна, картона, технического спирта.

В зеленых парках вырастут школы и кинотеатры, дворцы культуры, дома отдыха...

СКОЛЬКО ЛЕТ РАСТЕТ ГОРОД?

Когда Комсомольску-на-Амуре исполнилось 15 лет, в нем насчитывалось сто тысяч жителей.

Быстро вырос этот город?

Конечно, быстро.

Подумайте только: за 38 лет существования села Пермского (того самого села, на месте которого построен Комсомольск), с 1894 по 1932 годы — оно увели-

*Комсомольск-на-Амуре. Площадь Ленина
Фото М. Кузнецова*

Еще один дом заложен в Амурске...

Фото И. Панина

чилося всего на 4 строения.

А скоро ли вырастет Амурск?

Когда начинали строить Комсомольск — тачка, кирка, пила да лопата были почти единственными орудиями труда.

А в Амурске?

На его первых улицах можно увидеть экскаваторы, бульдозеры, транспортеры...

Вот почему в Амурске говорят: город будет не через пять лет, как намечено по плану, а через четыре года!

ПОЧЕМУ ОНИ БРАТЬЯ?

Комсомольск и Амурск называют братьями: Комсомольск — старшим, Амурск — младшим. И не только потому, что одному из них больше лет, а другому меньше. Есть и еще причины.

Комсомольск, например, как настоящий старший брат, во всем помогает Амурску!

Из Комсомольска в Амурск прокладывается линия электропередачи — «старший брат» даст новому городу энергию.

Опытные строители Комсомольска обучают молодых амурцев своему мастерству. Знатный каменщик Николай Петрович Щеглов помог целой бригаде плотников овладеть новой специальностью. Бригада построила первую в Амурске кирпичную школу и заслужила звание коммунистической.

«Младшим братом» Комсомольска Амурск называют еще и за хорошие дела, за верность героическим традициям первой комсомольской стройки.

...Поздней осенью к городу подошла баржа с цементом. Ветер обрушивал на берег дождевые шквалы. Темнело...

Бригада Петра Полянина располагалась на отдых, когда в палатку вбежал комсорг:

— Товарищи, сегодня воскресенье... день не рабочий... но стройке срочно нужен цемент. Кто пойдет на разгрузку?

Пошли все.

ЧТО БУДЕТ В МУЗЕЕ?

В Комсомольске-на-Амуре есть городской музей. В нем собраны документы, рассказывающие об истории строительства города: фотографии, рапорты, письма...

— Когда-нибудь такой музей будет и в Амурске, — говорит секретарь партийной организации стройки Николай Ананьевич Ференцев.

Что будет в этом музее?

Конечно, первая палатка, которую поставили строители на промерзлой земле Падалей...

Фотографии первого дома...

Первой школы...

Первой улицы...

И будут там письма. Бесчисленное множество их приходит сейчас в Амурск.

Прочитаем одно:

«С комсомольским приветом!

Здравствуйте!

Я узнала из газет, что строительство Амурска объявлено комсомольской стройкой. Мне очень хочется попасть туда. Я кончила десять классов. Работы я не боюсь.

Очень прошу ответить, можно ли мне приехать. Я уже и чемодан собрала...»

Поличка

В. Бороздин

Вы все, верно, знаете, что великая сибирская река Лена течет очень далеко от Москвы. А вот ученик первого класса Демка Шульгин утверждает другое. Он говорит, что Лена течет очень близко, а Москва от нее далеко.

Что ж, он тоже прав. Ведь Демка живет в деревне на самом берегу Лены. А кругом тайга — без конца и края.

Отец и дед у Демки охотники. Много ценной пушнины добывают они каждый год. Скоро и Демка будет охотником. Сам он крепкий, никогда ничем не болеет. И глаз у него зоркий.

А сейчас Демка страсть имеет к птицам. Целыми часами может смотреть, как они вьют себе гнезда или как, выбиваясь из сил, кормят прожорливых птенцов.

Демка и дома обзавелся птицами. Поймал двух снегирей, посадил в клетку, а клетку повесил в избе возле окна. Сидит он за столом, уроки делает и снегирями любит. У самки грудка буровато-серая, а у самца ярко-красная. Хорошая пара!

На столе перед Демкой лежит тетрадка в косую линейку. Он старательно выводит буквы. Выведет букву — отдохнет, выведет другую — еще посидит просто так, подмиг-

нет снегирям. А они на жердочке нахохлились и все в окно на улицу смотрят. Чего там не видали?

— Пошто, Дема, уроки не делаешь? — говорит бабушка.

— Я делаю, смотри: уже полстрочки написал, — отвечает Демка, а сам все о снегирях думает.

«И чего они такие скучные? Ведь им уроки не делать! И корма не клюют! А может, им кормушка нужна?»

Демка быстро дописал строчку. Буквы получились уже не такие ровные, налезали на линейки и друг на дружку. Но Демке было уже не до них. Надо было срочно делать кормушку.

Роясь в чулане, он вдруг увидел небольшую дощечку — темную от времени, гладкую и сухую — как раз то, что нужно! С одной стороны у нее была прибита планка с ржавыми следами от гвоздей. По краям дощечки шла кружевная резьба. Рисунок ее походил на резьбу карнизов домов и оконных наличников. Только вырезан он был тоньше и искуснее.

Демка повертел дощечку в руках и показал бабушке.

— Гляди-ка, до сих пор уцелела! — удивилась бабушка.

Рисунок Л. Коростышевского

— А что это? — спросил Демка.

— Это, внучек, полічка. Очень стара полічка. Твой дед еще в молодости своими руками смастерил. Помню, целу неделю сидел, рисунок наводил. А как навел, прибил полічку снаружи избы над дверью. И на нее на ночь хлеб аль какую еще еду стали выставлять.

— Для кого же? — спросил Демка.

— А вот слушай. Сумерничала я как-то раз дома одна. Давно то было. Дед-то ушел куда-то. Вдруг, чую, скрипнуло что-то за дверью. Глянула в окно, да так и обмерла. Вижу, крадется к двери человек, — не то каторжный, не то еще какой злодей. Со страху-то я совсем забыла про полічку. А он, сердечный, подкрался, схватил с нее ломоть хлеба и, не сходя с места, сунул в рот. У меня от сердца-то сразу и отлегло. Тут и дед пришел. Тот хотел было бежать, но дед сказал ему, чтобы не боялся, и зазвал в дом.

Вошел он, поздоровался. Одет в серый арестантский халат, дыра во всю спину. Это он у костра грелся и не заметил, как прожог. На ногах разбитые кóты.

Я на стол пельмени да шаньги подавала, а он ел да про житей рассказывал. Совсем-то молодой был, из студентов... Политический... Хотел жизнь на иной, справедливый лад переделать. Они — политические-то — супротив царя шли, за народ. За это их жандармы хватали и к нам в Сибирь, на каторгу да на поселенье гнали. В нашей Иркутской губернии много их, сердечных, было. Да и в других местах, поди, не меньше. Сколько их мимо нас вниз по Лене-то на пàузках прогнали! Пàузок, внучек, верно знаешь, такая баржа. На нем сарайчик для арестантов построен.

Плывет, бывало, пàузок-то, на плоской крыше сарайчика лóцман стоит. А из сарайчика унылая песня несется. Помню вот эту:

«Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль.
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.»

— Хорошо так пели, до самого сердца!
Бабушка помолчала, потом, вздохнув, продолжала:

— Только ни тюрьма, ни каторга не усмиряли их. Они еще больше рвались на волю-то. И убегали... Таких мы «беглыми» или «вольными» звали.

По тайге, от деревни до деревни, пробирались они. Правда, в деревни-то старались не заходить — опасались стражника да урядника. Голодали. Иногда по несколько дней в роту крошки не бывало. Вот им наши полічки-то и помогали. Ведь полічки не только у нас, они и в других деревнях были. Ночью подойдет «вольный» человек потихоньку к дому, возьмет с полічки еду и — дальше, в путь-дорогу. Жалели мы их, — ведь не за себя, за людей они страдали. Ну, а сейчас эти полічки не нужны — не то время...

Демка не стал переделывать полічку для клетки. Он прибил ее позади двора и насыпал птичьего корма.

Демка так решил: если раньше полічка служила вольным людям, пусть она теперь так же хорошо послужит вольным птицам. Ведь зимой им очень трудно добывать себе пропитание.

Снегирей своих Демка выпустил. А хорошая была пара!

IV

— Ребята, по очереди! Сани ломаете! Откуда приемник?

— Хабаровского края село Переяславки. У нас в школе кружок.

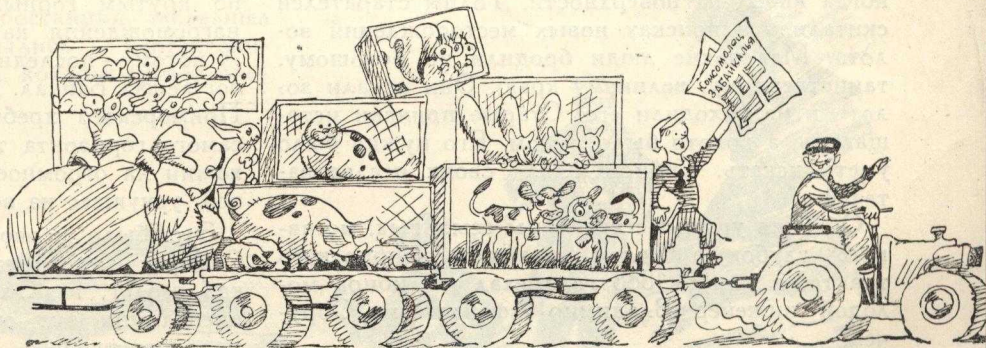
— Поймайте-ка что-нибудь.

— Сейчас. Раокуц!

— Чего?

— РАОКУЦ. Позывные чинтинской станции юных техников. А ну, тихо! Ага. Просят захватить их подарки: яблоки «желтый челдон» по тридцать пять килограммов с каждой яблони, мед — высший сорт, скворечники, живого медведя по кличке «Мишка», киноаппарат со своими механиками, черепаху, зайцев и умурскую змею.

— Куда ее, змею!

— Ничего, пригодится. Окотетто!

— Я. На чем поедем, Вася?

— Однако, попросим железнодорожников. Состав надо. Вон станция на 52-ой странице.

К НЕИЗВЕДАННОМУ

В. Любичкая

Рисунки Н. Кутузова

Человек обязан познавать мир, в котором он живет. Это трудно, иногда опасно, но увлекательно и необходимо. С молотком в руках карабкаться на высокие скалы. Наблюдать все, что видишь вокруг, записывать всякую, даже самую незначительную мысль и думать, изучать, догадываться.

С очень давних времен хранила Сибирь свои богатства: человек брал их у нее только тогда, когда видел на поверхности. Толпы старателей скитались в поисках новых месторождений золота. Маленькие люди бродили по большому, таинственному, великому краю. Они искали золото и не находили его. Старые прииски истощались, а золото было рядом. Его нужно было уметь искать. Сибирь ждала своих исследователей.

Обгоняя угрюмые вереницы ссыльных, месивших глубокую грязь Большого сибирского тракта, в конце 1888 года ехал в Сибирь молодой инженер Владимир Афанасьевич Обручев.

С женой и маленьким сыном полтора месяца добирался Обручев до Иркутска. Тысячу пятьсот километров проехала семья в тарантасе.

Зиму Владимир Афанасьевич прожил в Иркутске.

Суровая страна с синим небом. Многоголосая, звенящая тайга, в которой никогда не бывает настоящей тишины; огромные деревья, сваленные старостью и бурями, покоятся на земле, перекрывая узкие охотничьи тропы. На сотни, тысячи километров — реки, горы... У каждой — своя история, своя тайна: уголь, руда, драгоценные камни, золото.

Несколько дней утомительного карабканья по крутым горным склонам. Овраги, болота, нагромождения камней и всю дорогу дождь. А потом — последний перевал, и почти у самых ног лежал Байкал. К западу, по глубоким падям Приморского хребта, чернел лес, на север до самого горизонта тянулся остров Ольхон, «похожий на огромное чудовище с косматой головой, уснувшее на воде».

Это было первое путешествие Обручева по Сибири. Месторождений графита, которые искал геолог, на Ольхоне не обнаружилось. Но экспедиция эта оказалась очень важной для молодого ученого.

Для того, чтобы открыть все, что хранит в себе земля, мало ходить и искать. Нужно знать, где искать и как.

Когда-то, сотни миллионов лет назад, на нашей планете образовались горы. Земной шар

отдавал в пространство больше тепла, чем получал от Солнца. Земной шар остывал. Миллиарды мельчайших частиц вещества двигались, сжимались. Земная кора морщилась, огромные складки появлялись на ней. Кора рвалась, растягивалась, не выдерживая напряжения. Из гигантских зияю-

щих трещин вырывались пышущие огнем потоки лавы. На земле вырастали горные цепи...

Ученые разных стран трудились над проблемами горообразования. Но почти все они считали: большие движения земной коры прекратились давно, несколько миллионов лет тому назад.

Владимир Афанасьевич внимательно всматривался в поверхность хребтов и долин. Его внимание останавливали и впадины, озера, реки. Работу ветра, солнца, воды — все приходилось учитывать, все могло помочь решить вопрос, над которым бились ученые.

Обручев доказывал, что сильные движения земной коры происходили в течение последнего миллиона лет, незаметные изменения земной поверхности продолжают до наших дней.

Изменяется уровень океанов, поднимаются и опускаются берега морей, то и дело на разных концах земли люди страдают от землетрясений, происходят оползни и обвалы.

Годами, десятилетиями наблюдая, записывая, делал выводы Владимир Афанасьевич Обручев. Страница за страницей создавалась новая наука неотектоника — наука о самых молодых движениях земной коры.

Строились порты, электростанции, железные дороги — строители обращались к неотектонике: зачем строить на месте, которое может провалиться?

Геологам эта наука помогала искать полезные ископаемые. Нуждались в ней геодезисты, геофизики и астрономы. Даже распространение животных и растений по земному шару в наши и прошлые времена объясняет неотектоника.

Законченная наука неотектоника сложилась потом, через

много лет. А тогда, на острове Ольхон и в других местах Прибайкалья, молодой ученый Обручев делал первые записи о геологическом прошлом Сибири.

Работа была трудной. На всю Россию на службе у государства в то время было шесть геологов. Обручев был единственным ученым на тысячи километров богатейших сибирских земель. Одна экспедиция сразу же сменялась другой. Разведки на каменный уголь, исследования заброшенных рудников, поиски слюды, железной руды, золота.

Он мок под дождями, нередко спал, если приходилось, прямо на холодной земле. По скользким деревянным лестницам со свечкой в руке опускался в сырые подземные выработки Ленских приисков.

В начале 1892 года Обручев готовился к путешествию через Западный Саян, в Туву. В это время пришла телеграмма с предложением

принять участие в экспедиции в Центральную Азию — в Китай. Обручев с радостью согласился. Прочитаны и законспектированы работы о Китае известных путешественников, семья отправлена в Петербург. «Прощай, Сибирь! Здравствуй, Китай, чудесный, удивительный Китай», — пишет Обручев в одном из писем к матери.

...Дни, недели, а перед глазами все та же однообразная волнистая равнина. Ветер и монотонный скрип телеги на двух высоких колесах заглушает негромкие голоса людей.

Вот она, знаменитая азиатская пустыня. Гоби называют ее в Китае. Путешественник работает неутомимо. Ни холод, ни жара, ни усталость не нарушают строгого трудового режима. Ежедневные аккуратные записи в дневнике, геологические наблюдения, маршрутная глазомерная съемка, а по вечерам — тщательный разбор образцов. Эту колоссальную работу Обручев продвигал один, без помощников.

И, может быть, потому так четко и уверенно трудился в этом путешествии Владимир Афанасьевич, что за плечами его к тому времени

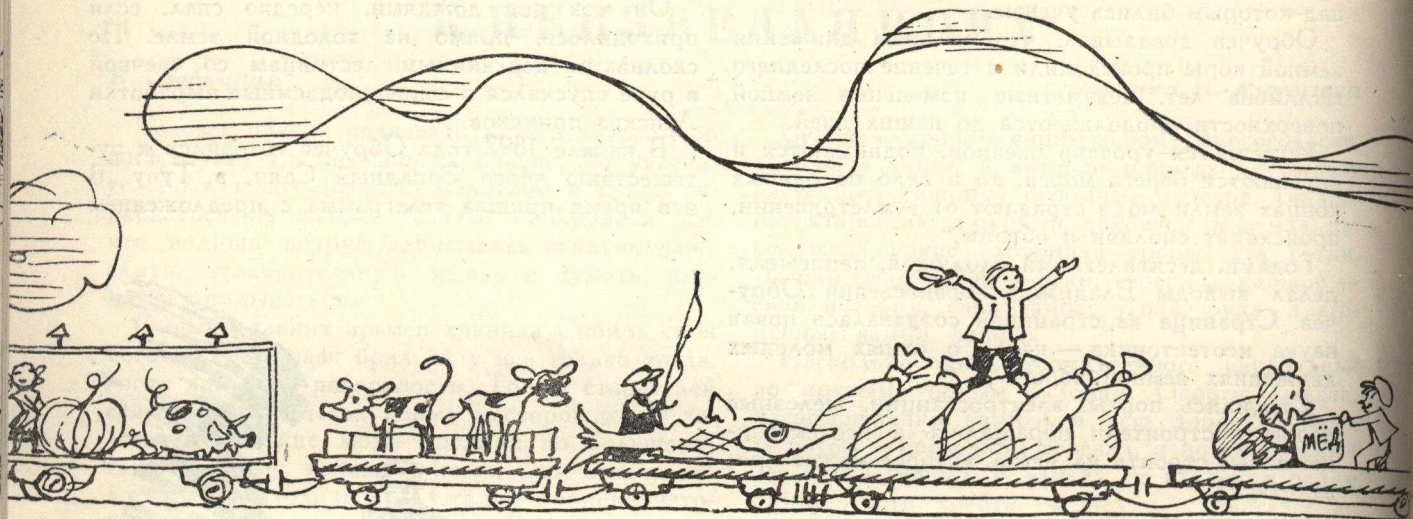
были уже пески безжизненных Кара-Кумов, Зааральские степи, а главное — Сибирь. Сибирь, где начал проходить он суровую школу большой геологии.

Два года длилось путешествие по Китаю. Пешком и на лошади пройдено 13 625 километров. Выполнено более восьмисот измерений высот, собрано семь тысяч образцов горных пород и отпечатков ископаемых животных и растений.

Имя Обручева облетело Россию. Его называли рядом с именами знаменитых русских путешественников — Пржевальского и Потанина.

Большая золотая медаль и премия имени Пржевальского — от Российского географического общества, премия имени Чихачева — от Академии наук в Париже. И снова — Сибирь.

Прокладывали железную дорогу на Владивосток. Требовалось срочное и тщательное изучение южной полосы Сибири по пути будущей трассы. Необходимо было решить важные практические задачи: как и где строить железнодорожные мосты, где возможны туннели, как обстоит дело с водоснабжением.

V

- Куда кроликов грузить?
- Сколько их у вас?
- Да немного. Три тысячи.
- Откуда столько?
- Зверосовхозная школа Иркутской области. Вот еще из нашей области Саша Самойлов. У него триста поросят.
- Читайте «Комсомолец Забайкалья»!
- Ты кто такой? Чего кричишь?
- Не кричу, а распространяю. Я Боря Дерябин. Читайте «Комсомолец Забайкалья»!

Обручев назначен начальником Забайкальской горной партии.

Опять — сибирские реки, тайга, горы. Три раза Обручев пересек Яблонево хребет. И на географической карте появились изменения. Хребет Хэнтэй в Северной Монголии считался продолжением Яблоневого. В действительности оказалось, что эти хребты не соединяются.

Прошло четыре года работ Забайкальской партии — и наука получила подробное исследование еще одной части Сибири — Селенганской Даурии.

Осенью 1901 года в Томском технологическом институте открылось горное отделение. Во главе отделения просили стать Владимира Афанасьевича. Два года готовился Обручев к лекциям. И с 1903 года стал учить студентов геологии. Все, что знал и любил, все, чему научился в своих путешествиях, он передавал будущим сибирским исследователям.

За одиннадцать лет Владимир Афанасьевич создал целую школу геологов Сибири.

...Далеко за полярным кругом охотник Санников видел на горизонте незнакомую землю.

Он рассказал об этом людям. Люди дали ей имя Санникова. Но видел ли еще кто-нибудь эту землю, на которую из года в год большими стаями летели птицы на летовку?

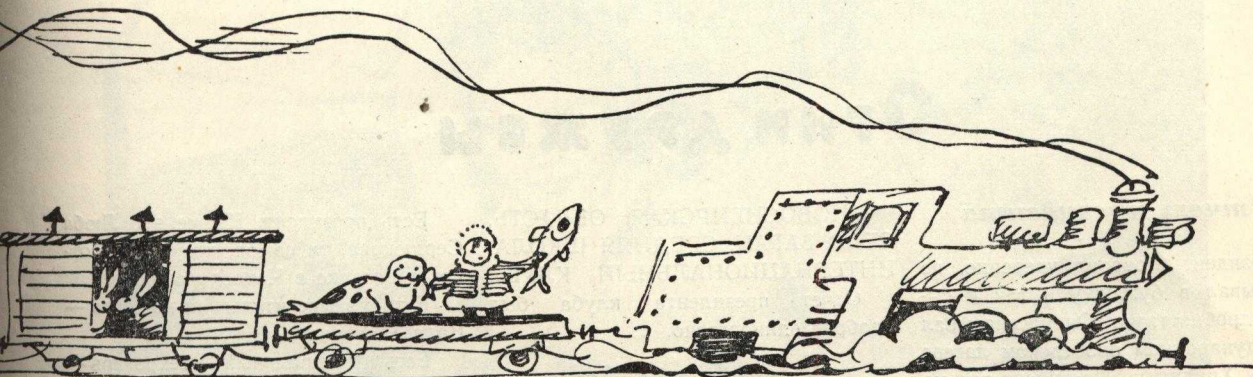
Видеть — видели, а добираться до нее никому не удавалось.

— Нет такой земли, — говорили географы. А жители северных окраин упрямо рассказывали легенды об этой земле. И если их спрашивали, почему, — они отвечали обычно так: «Птицы не остаются у нас на лето. Они летят дальше, далеко, на землю Санникова.»

О таинственной земле размышлял и Владимир Афанасьевич Обручев.

Он был геологом и географом, он был великим ученым, о котором с почтением говорили в академиях наук всего мира, и он был писателем. Он мечтал о Земле Санникова и написал о ней книгу.

Неважно, что события в романе вымышленные, что не существует на самом деле древнего племени онкилонов. Неважно, что полярные летчики тщательно исследовали океан в том месте, где охотник видел загадочную землю, и

— Тимуровская команда сорок третьей школы Владивостока прибыла. Командир Антонов Геннадий. Разрешите доложить: починили забор, пенсионерке убрали двор, кинотеатр заработал, бесплатный сеанс пригласили октябрят...

— Подожди, командир. У нас погрузка. Вася! Смотри, сколько еще ребят! Ай, плохо дело. Очень маленький состав.

— Бежим к летчикам на 64-ю страницу. Может, возьмут!

не обнаружили ничего: видимо, Санников принял за землю огромную ледяную глыбу.

...Игуанодоны, цератозавры, мастодонты, летающие ящеры! Редким счастливым удавалось найти в горных породах остатки этих древних чудовищ. А четверо бесстрашных энтузиастов-путешественников видели все это своими глазами. Даже ухитрились сфотографировать их. Но материалы экспедиции затерялись и остались неопубликованными.

Где это было?

Внутри нашей планеты, внутри Земли, в стране Плутонии. Об увлекательном путешествии в глубь Земли рассказывал еще один научно-фантастический роман Обручева, «Плутония».

Нет и никогда не было Плутонии. Не существует и земли Санникова. Но есть хорошие, нужные книги, которые зовут вперед, к неизведанному, учат мечтать и настойчиво осуществлять свои мечты.

Первыми читателями научно-фантастических книг академика Обручева были школьники тридцатых годов. Многие из них сейчас — геологи, географы, полярные летчики, зимовщики на Северном полюсе и в Антарктиде. И теперь уже их дети мечтают о земле, которую нужно

открыть, их дети собираются, когда вырастут, стать исследователями глубин земного шара...

Владимир Афанасьевич был очень занятым человеком. Но он никогда не забывал о своих маленьких читателях — детях.

Ему шли письма от школьников со всех концов Советского Союза. Он переписывался с юными краеведами с острова Ольхон на озере Байкал, того самого острова, с которого много лет назад, совсем молодым ученым, он начинал знакомиться с Сибирью. И клуб юных геологов в Ленинградском Дворце пионеров неспроста и по сей день носит имя Обручева — своего лучшего друга.

Хребет имени Обручева в Туве, степь имени Обручева на юге Кара-Кумов, ледник в Монгольском Алтае, вулкан в Забайкалье, подводная возвышенность в Тихом океане у берегов Камчатки... — не раз с благодарностью повторят грядущие поколения имя замечательного русского исследователя, ученого, путешественника. Не раз повторяют они его слова:

«Дерзайте! Боритесь за большие дела, если вы боретесь всерьез. Способности, как и мускулы, растут при тренировке. Большие открытия не каждому по плечу, но кто не решается пробовать, наверняка ничего не откроет. Вы должны далеко уйти от дедов и прадедов!..»

ОГНИ ДРУЖБЫ

Отчет президента

Президент говорил уверенно, не заглядывая в бумажку и так и сыпал подробностями. Он рассказывал о международном пионерском лагере «Сечь у Хрудимы». Президент только что вернулся из Чехословакии.

Все было в отчете: окруженное вечными снегами великолепное горное озеро, футбольный матч между советскими и чешскими мальчишками, экскурсия в Злату Прагу, десятки концертов, в которых звучали русские, чешские, французские, немецкие, английские, корейские песни. И, конечно, адреса новых друзей, которые скоро, очень скоро напишут на конвертах:

«НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ, СЕЛО БАГАН, СРЕДНЯЯ ШКОЛА, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛУБ».

Отчет президента клуба был одобрен единогласно.

Клубу пять лет

С того времени, когда на первое заседание собралась маленькая группа самых любознательных, прошло пять лет. Тогда преподаватель английского языка Матвей Карлович Плоткин предложил создать свой интернациональный клуб. Теперь клуб насчитывает двести семьдесят пять членов, учеников шестых—десятых классов.

Всей работой клуба руководит Совет.

Есть президент. Нынче это Люба Сердюкова, та самая, что делала отчет о поездке в Чехословакию.

Есть заместитель президента — Валя Черкашина.

Есть генеральный секретарь — Володя Власенко.

Клуб имеет свой устав. Главное требование устава: хорошо учиться в школе.

Если считать по пальцам секции клуба, не хватит пальцев на обеих руках. Английская разговорная секция. Немецкая. Французская. Литературная. Географическая. Историческая. Старшая переводческая. Младшая переводческая. Хоровая. Секция переписки. Филателистическая.

Работой секций руководят сами

ребята. Каждая секция могла бы много рассказать о своей работе.

Например, хор. На спектакх не бывает меньше шестидесяти человек.

Или знатоки литературы. Юбилей великого шотландского поэта Роберта Бернса прошел на трех языках!

Европа, Америка, Африка

С Африкой особенно долго не ладилось. И вдруг редакция журнала «Дружба» переслала в клуб письмо

Нигерии. Колонизаторы бессильны: в городе молодежный рабочий фестиваль.

Вот о чем говорил один из снимков...

Но письма бывают разные. Читая иное письмо и видишь, что его автор смотрит на советских людей через очки мутного стекла. И часто бывает так, что очки эти ему подsunул кто-то другой.

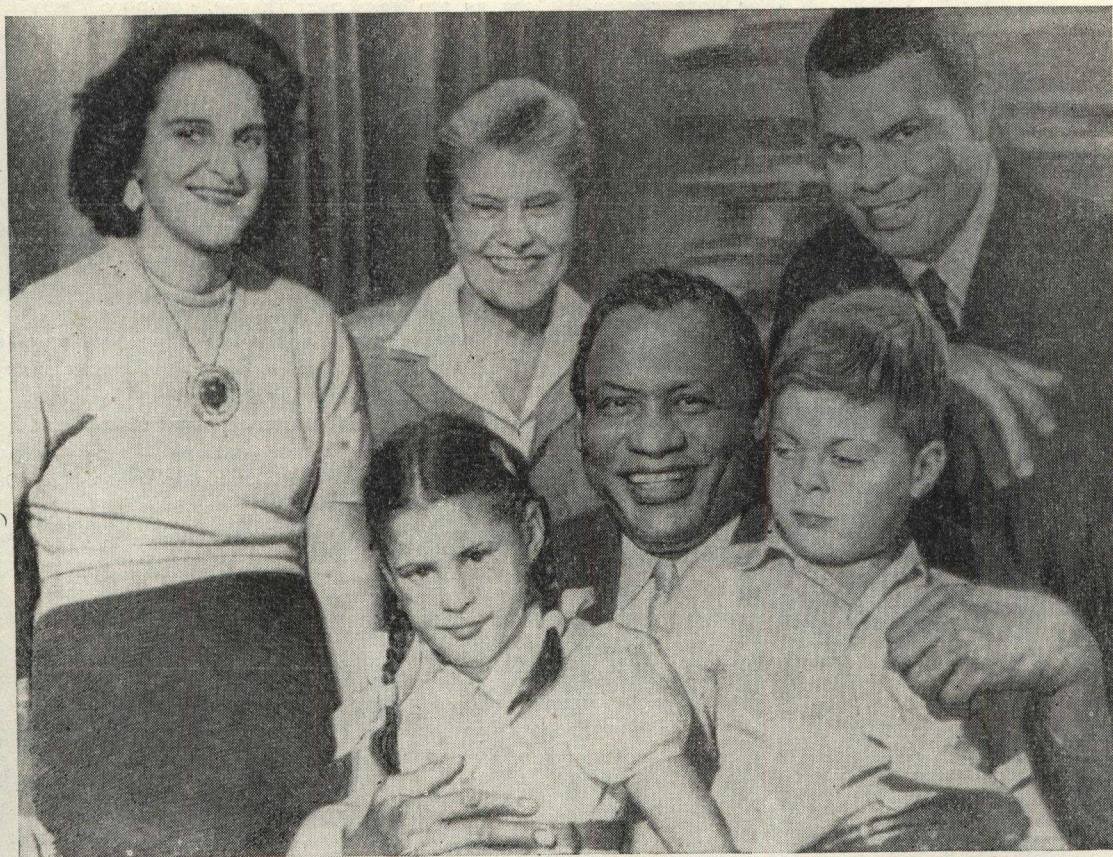
Надо взять себя в руки, разобратся. И постараться рассеять кле-

Получить такое письмо — да ведь это победа!

Почетный член клуба, директор американо-русского института в Сан-Франциско, профессор Холанд Робертс тоже получил письмо от членов клуба. Он размножил это письмо в тысячу экземпляров и разослал своим друзьям, передовым людям Америки.

Об этом письме он писал:

«Мир удивительно продвинулся вперед».

Афама Ли, шестнадцатилетнего жителя города Кано в Нигерии.

Люба Сердюкова в тот же вечер написала Афаму по-английски. А через месяц ребята читали ответ далекого друга, рассматривали вложенные в конверт фотографии.

...Над пирамидой из мешков с орехами гордо реет национальный флаг

вету, — спокойно, умело, только фактами. Пусть человек снимет мутные очки...

Патрик Дауман из Западного Берлина получил ответ на свое письмо. И в следующем письме написал обо всем, что раньше читал и слышал о Сибири: «Теперь я знаю, что все это неправда».

Огоньки

Каждый день в школу приходит почтальон.

Он кладет на стол туго набитую сумку и начинает выкладывать письма с диковинными марками и штампами. Баганыцы получают от десяти до сорока писем в день.

2

Казалось бы, можно привыкнуть даже к письмам со всего земного шара. Но вот настал день, когда пришло первое письмо от знаменитого негритянского певца Поля Робсона. И школа загудела, как улей. Это был настоящий праздник, на котором читались даже стихи, тут же сочиненные в честь большого события. И, конечно, каждый прочел надпись, приложенную к фотографии: «СЕМЬЯ РОБСОНОВ: МЕРИЛИН, ЭСЛАНДА, ПОЛИ, СУЗИ, ПОЛЬ, ДАВИД — ШЛЮТ ВАМ ПРИВЕТ И ЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ МИРА И ДРУЖБЫ ВО ВСЕМ МИРЕ».

...Вечера клуба собирают полный зал. Ребята прозвали эти вечера «огоньками». На очередной «огонек» собираются и взрослые. Они слушают беседы о творчестве зарубежных писателей, обычаях других народов, слушают пение, чтение стихов, смотрят танцы.

Тем, кто приходит в клуб впервые, непременно показывают большую карту мира. Сколько стран переписываются с Баганом, столько лампочек на карте. Тридцать пять разноцветных лампочек зажигаются в далеком сибирском селе.

Хорошее дело всегда подхватят товарищи. В Тбилиси и в Сухуми родились новые интернациональные клубы. Школьники назвали их «спутниками Багана». Создан интернациональный клуб на станции Ребриха, в Алтайском крае.

В песне баганского клуба есть слова:

«Нам далекие звезды сияют,
Нас ласкают одни ветерки.
Ничего, что моря разделяют, —
Наши чувства друг другу близки».

Люди разных стран должны знать друг друга. Знать, чтобы крепко дружить. Члены интернационального клуба в селе Баган много трудятся, чтобы помочь своим друзьям за рубежом лучше знать советских людей, чтобы вспыхивали и ярко горели все новые огни дружбы.

А. Герваш

ТАМ, ГДЕ ЖИЛИ ДЕКАБРИСТЫ

Не всякий город имеет печатный путеводитель — книжечку, рассказывающую о городских достопримечательностях. И все-таки путеводитель есть в каждом городе. Это — названия городских улиц.

В старом сибирском городе Ялуторовске вы вдруг читаете на табличке: «Улица Декабристов».

Декабристы? В Ялуторовске? Да ведь восстание декабристов вспыхнуло за тысячи верст от Ялуторовска, в Петербурге и на Украине!

Но вот еще названия: «Улица Пушина», «Улица Якушкина», «Улица Оболенского». Не тот ли это декабрист Пущин, которого Пушкин называл «мой первый друг, мой друг бесценный»? Не об этом ли Якушкин писал Пушкин, что он «казалось, молча обнажал царевбийственный кинжал»? Да, это они самые.

Восстание декабристов было подавлено пушками. Большинство участников восстания царь сослал на каторгу и в ссылку в глухие места Сибири.

С 1829 по 1856 год Пущин, Якушкин и Оболенский жили в Ялуторовске, а с ними — Муравьев-Апостол (брат казненного), Черкасов, Тизенгаузен, Враницкий, Басаргин, Еншалцев... Целая ссыльная колония.

Одного декабрьского восстания было бы вполне достаточно, чтобы прославить их имена. Но декабристы вовсе не собирались жить воспоминаниями. Нет! С самых первых дней своего пребывания в Ялуторовске они искали случая принести пользу народу.

Впервые в России ссыльные декабристы открыли школу для девочек, в которой могли учиться все без различия — дети богатых и бедных. Затем открылась такая же школа для мальчиков. Одним из ее учеников был известный сибирский художник Знаменский.

За «учителями» неотступно следили жандармы. Кругом царил дикое невежество. И все-таки школу окончили шестьсот мальчиков.

Декабристы лечили крестьян, пробовали вырастить фруктовый сад, собирали растения, вели наблюдения за погодой. Собранные ими сведения обогащали русскую науку.

Декабристы много трудились. Свободное время они посвящали физическим упражнениям. Якушкин, например, был первым конькобежцем Ялуторовска до самого преклонного возраста. Ему подражали многие жители города, и в Ялуторовске выросло немало хороших конькобежцев.

Больше ста лет назад декабристы уехали из Ялуторовска. А добрая память о них осталась навсегда.

Каждое лето приходят и приезжают в Ялуторовск туристы. Они осматривают дома Якушкина и Муравьева-Апостола, школу, созданную трудами декабристов, и непременно навестят загородную рощу. В ее густой тени любили отдыхать декабристы. Говорят, что они ее и посадили.

Среди туристов много пионеров. Целыми отрядами прибывают они в наш город.

Память первых русских революционеров свято хранят пионеры — дети Великой Октябрьской революции.

И. Терентьев

Директор Ялуторовского краеведческого музея памяти декабристов

ЯЛУТОВСК. В РОЩЕ ДЕКАБРИСТОВ

Фото И. Тункеля

ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА

В. И. Суриков

Всадник на вороном коне галопом пронесется сквозь стену снежного „городка“. Прутья в руках защитников крепости взлетают в воздух, зрители машут рукавицами, приветствуя победителя.

На фоне снега и розоватого зимнего неба особенно праздничными кажутся разноцветные одежды нарядной толпы, обступившей городок: светлые тулупы и темные аямы мужчин, синие, черные, зеленые шубки женщин. Пышными цветами заткан пестрый ковер, покрывающий сани...

Это „Взятие снежного городка“ Василия Ивановича

Сурикова. Художник воссоздал в картине облик своих земляков-красноярцев, прославил их удаль и своеобразную красоту.

Суриков родился и вырос в Сибири и всегда считал себя коренным сибиряком. Его предки пришли в Сибирь вместе с дружиной Ермака. Имена казаков Суриковых упоминаются в старинных документах, повествующих об основании крепости Красный яр — будущего города Красноярска. В конце XVII века Суриковы участвовали в грозном бунте красноярцев против царского воеводы. Подвиги завоевате-

лей были для Василия Ивановича Сурикова не рассказом из учебника истории, а частью его семейного прошлого. Недаром одна из его лучших исторических картин — „Покорение Сибири Ермаком“.

В сибирском казачьем быту еще в XIX веке сохранялась живая русская старина, восходящая к далеким допетровским временам. По-старинному одевались жители казачьего города Красноярска, из поколения в поколение передавались древние предания, песни и обычаи. Таким древним обычаем была и игра „взятие снежного городка“.

Суриков с детства хорошо знал эту картину.

... На берегу реки или на площади устраивали „городок“, незатейливую ледяную крепость. Нападающие верхом на лошадях стремились ворваться в крепость; защитники преграждали путь всадникам, махая хворостинами и пугая лошадей холостыми выстрелами. В конце концов какому-нибудь смельчаку-наезднику удавалась при дружном одобрении зрителей взять „городок“.

Целью игры было прорваться к воротам и разрушить перекладину с фигурами. После этого „городок“ доламывали и переходили к угощению.

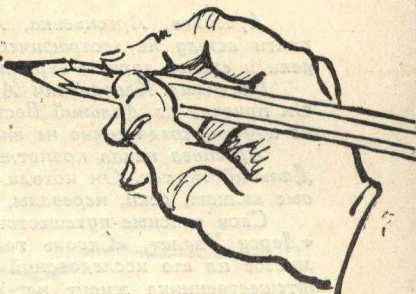
Зиму 1890 года Суриков провел в Красноярске, своем родном городе, где с увлечением работал над новой картиной. По просьбе художника красноярские жители устроили „городок“. Народу собралось много, все искренне увлеклись игрой. Суриков сделал ряд набросков с натуры.

Немало труда стоили ему некоторые детали картины. Долго не удавалось передать стремительное движение всадника и лошади. Суриков упорно хотел запечатлеть тот момент, когда лошадь шла вперед не головой, а грудью, разбрасывая снег. Пришлось во дворе построить примерный „городок“ и несколько раз приглашать казака, который, настеживая коня, скакал сквозь снежные ворота.

Ярко сверкают краски на замечательном полотне Сурикова. Бурная динамика и праздничная многоцветность — вот отличительные качества картины „Взятие снежного городка“.

Всемирной известностью пользуются также полотна Сурикова „Утро стрелецкой казни“, „Боярыня Морозова“, „Переход Суворова через Альпы“.

Карандаш

Г. Граубин

На карандаш, что я сейчас
В своей руке держу,
Я неспроста, мои друзья,
Внимательно гляжу.
Ведь он не просто праздно жил,
Марать листы спеша,
Он много видел на веку,
Графитная душа.
Когда-то он стоял в тайге
Раскидистой сосной,
Печально осенью скрипел
И бунтовал весной.
Он самым первым увидел
В своем лесу дымки:

То, балагуря и шутя,
Шагали лесники.
Потом он ветви простира
Над первым шалашом,
Чтоб человеку в ноги пасть
И стать карандашом...
Да, знал он много на веку,
Но жить привык в тени:
Про все он пишет и про всех,
Но о себе — ни-ни.
Когда нескромным словом «я»
Мараешь ты листы,
Почаще взглядывай, дружок,
На то, чем пишешь ты.

Чита

Ягнята

Цырен Базар Бадмаев

Лишь стоит нацелить
Внимательно взгляд —
Как видишь: в отаре
Нет схожих ягнят.
Вот черный барашек, —
Он резвым слывет:
Друзей своих младших
Боднув, удерет.
Другой, — тот степенно
Лежит у кошары.
Он самый почтенный
Барашек отары.
А этот частенько
Доходит до ссоры,
В отаре не сыщешь
Жаднее обжоры.

Два бедных ягненка
Бок о бок лежат,
Никак разлучить ты
Не сможешь ягнят.
Недавно один
Захворал и прилег —
С ним вместе в загоне
Остался дружок.
Он жалобно блеял,
Копытцем стуча,
К больному дружку
Вызывая врача.
Когда я встречаю
Овечью отару,
Глазами ищу
Неразлучную пару.

Улан-Удэ

Перевел с бурятского
В. Киселев

ЖЕНЬШЕНЬ

Г. Пермяков

Рисунки Е. Парфенова

Арсеньев, Арсеньевка, Арсеньево, Арсеньевское — такие названия можно увидеть почти всюду на географической карте Дальнего Востока. Именем Арсеньева названы реки и скалы, горные вершины и корабли.

Владимир Клавдиевич Арсеньев — выдающийся русский путешественник и писатель. Он приехал на Дальний Восток в начале нашего века, когда этот край был не заселен, не изучен, когда точно не знали его береговой линии, а карта была полна белых пятен.

Арсеньев начал кропотливое изучение Уссурийского края, как тогда еще называли Дальний Восток. Он исходил его с севера на юг и с востока на запад. Открывал новые заливы, реки, перевалы, собирал коллекции растений, камней, рыб, птиц и зверей.

Свои опасные путешествия Арсеньев описал в интересных и увлекательных книгах: «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «В горах Сихотэ-Алиня». Однако он рано умер, и многое из его исследований и путешествий не вошло в его книги. Жена, брат и сын путешественника живут на Дальнем Востоке. Они и рассказали много нового о Владимире Клавдеевиче Арсеньеве.

Проводник Магэн недоверчиво взглянул на капитана Арсеньева, высокого и худощавого. «Как русский начальник знает дорогу? Разве не говорил он, что никогда не был в этих местах и что без проводника ему не пройти?» Но в серых глазах Арсеньева читалась такая правдивость, что старый китаец тут же отбросил мысль об обмане, все еще недоумевая, откуда начальник заранее знает, какая дорога ожидает их впереди.

Не прошел маленький отряд и полкилометра, как Владимир Клавдиевич опять поразил китайца:

— Дальше дорога пойдет на подъем, — сказал Арсеньев.

И, действительно, тропинка, сделав несколько мягких поворотов, круто пошла в гору.

Только что выпал дождь, воздух приморского леса был насыщен влагой, отчего жара стала невыносимой. Люди двигались молча: одолевали комары.

— Скоро перекресток двух троп, — предупредил Арсеньев.

И опять тропинка, постепенно расширяясь, пересеклась с другой — более узкой, поросшей высоким борщом, изящной какалией и роскошным перистолыстным папоротником.

— Тебе ланьше здесь ходи нету? — не выдержав, спросил Владимира Клавдиевича проводник — высокий и румяный, в берестяном коноусе вместо шапки.

— Нет, раньше я здесь не ходил, — ответил Арсеньев, любуясь Магэном.

Длинные седые усы китайца свешивались немного ниже подбородка, гармонируя своим цветом с белой корой оригинальной таежной шляпы.

Проводник замолчал, решая в голове мучительную задачу: верить или не верить русскому офицеру? Но когда Владимир Клавдиевич предсказал, что скоро будет вода, что дальше

у слияния двух рек стоит шалаш, и когда действительно показалась вода, а затем треугольный шалаш из кедровых ветвей, проводник

решил, что на первом же привале скажет капитану, что нехорошо обманывать старых людей.

Арсеньев же, как ни в чем не бывало, шел за Магэном, срывая цветы, тер их между пальцев, нюхал, брал в рот лепестки; иногда, отстав от отряда, он выкапывал какие-то корни, осторожно складывал их в походную сумку и бегом догонял товарищей.

— Недалеко впереди фанза, — предупредил Арсеньев, осмотрев серокорый маньчжурский орех. — Там сделаем остановку.

Вскоре на южной стороне небольшой сопки, сквозь редкий лес из осин, липы и дуба показалась глиняная хижина. Ее коричневые стены потемнели от дождя, на крыше торчала солома. Старый проводник остановился перед покосившейся дверью из плетеных веток березы, молитвенно сложил руки и лишь после этого вошел в пустое жилище.

— Привал! — скомандовал Арсеньев, сел на полусгнивший пенёк, заросший кожистыми грибами, и раскрыл толстую походную тетрадь. Каждую минуту отдыха он использовал для записи путевых впечатлений.

Не ожидая приказаний, солдаты исчезли в лесу. Кто пошел за водой, кто рубил дрова, кто решил подстрелить рябчика.

Магэн опустился рядом с Арсеньевым прямо на траву. Сзади у него висела серая шкура барсука, предохранявшая одежду от сырости. Старик снял желтые улы — лапти из просмоленной кожи — и принялся перебирать в них траву-подстилку. Ему хотелось спросить русского начальника, как он узнавал дорогу в не-

2

знакомом месте, но Владимир Клавдиевич был всецело занят тетрадью.

Один за другим вернулись солдаты. Уже трещал бездымный костер, варилась похлебка — походный суп из копченого сала и чумизы, золотистого китайского пшена. «В лесу хоть раз в день непременно сварю горячую пищу, — всегда говорил Арсеньев. — Тогда сохранишь силы, больше добудешь из леса». Привалам и устройству на ночлег он уделял самое серьезное внимание, и весь отряд знал это железное правило.

Последним из леса вернулся охотник, руки его были пусты. Он торопливо подошел к Арсеньеву и взволнованно доложил:

— Находка!

— Знаю, — не отрывая глаз от тетради, сказал Владимир Клавдиевич, — женьшень?

Подвижный кареглазый Эпов застыл пораженный, не зная, что ответить.

Начальник экспедиции спрятал тетрадь и, не говоря ни слова, пошел в лес. Молодой казак последовал за ним.

Войдя в чащу, Владимир Клавдиевич замедлил шаг. Время от времени он бормотал: «Все благополучно», «Хунхузов нет», «До женьшеня пятьсот шагов» и, наконец, будто посмеиваясь над своим спутником, спросил:

— Ну как, Илья, верно идем к женьшеню?

Эпов только утвердительно кивнул.

Но вот начальник остановился, посмотрел на деревья и уверенно сказал:

— До женьшеня тридцать шагов.

На каменистом склоне близ меднокорого кряжистого кедра было сухо, дышалось легче, чем в лесу, словно целебный корень своей волшебной силой оздоровил воздух. Арсеньев отсчитал тридцать шагов и, остановившись у невысокого растения, крестообразно раскинувшего в стороны четыре пальчатых листа, спросил:

— Этот?

— В аккурат этот, — изумленно согласился Эпов, все еще не понимая, как в непроходимой чаще начальник нашел целебную траву, не спросив у него ни полслова.

Женьшень скромно зеленел недалеко от кедра. Его темные листья на длинных черешках, будто растопыренные пальцы, шли из середины тонкого стебля.

— Корню года четыре, — заметил Арсеньев и, опустившись на одно колено, мизинцем коснулся сначала желобчатых черешков, потом шаро-

образных бутонов. — Молодой еще. А знаешь, Илья, корень-то у женьшеня не свечкой в землю идет, а лежит, словно тебе человек.

Осмотрев драгоценное растение, Владимир Клавдиевич встал и сказал:

— Пойдем, корень чужой.

— Стало быть, ему пропадать? — разочарованно протянул Эпов.

— Зачем пропадать? Корень китайский, хозяин приходил сюда в прошлом году.

На обратном пути Арсеньев спросил Эпова:

— Илья, ты думаешь, как я нашел женьшень? Чудом?

— Черт знает, как! — откровенно признался казак.

— По лесным знакам нашел. Вот смотри! — Арсеньев остановился перед елью, затянутой нитчатым светло-зеленым мхом, и показал на овальный затес. — Видишь?

— Вижу.

На покрытом смолой оголенном срезе коры одна над другой шли три горизонтальные за-сечки.

— Это, Илья, своего рода письмо искателей женьшеня. Три черты на затесе значат: «До корня тридцать шагов».

Вскоре Владимир Клавдиевич опять остановился и показал на срезанную наискось вершину небольшой липы.

— Видишь срез в сторону востока? Это опять знак: «Женьшень в том направлении». Таких знаков у китайских корневищников наберется с полсотни. Словом, лесной телеграф. Китайцы его зовут: «шухуа», то есть «язык деревьев» по-нашему. Меня ему один женьшенщик научил.

И Арсеньев показывал Эпову то связанные гибким прутом вершины двух молодых деревьев, то согнутый петлей конец ветки, то треугольник и кресты на затесах. При этом он объяснял:

— Вот здесь сказано: «Шалаш у слияния двух рек». А это значит: «Вода близко», это — «Дорога пойдет в гору». Не будь «шухуа», женьшенщику не найти бы оставленного в лесу корня.

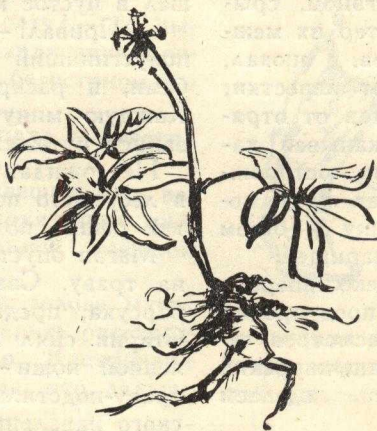
Уже у фанзы Владимир Клавдиевич спросил казака:

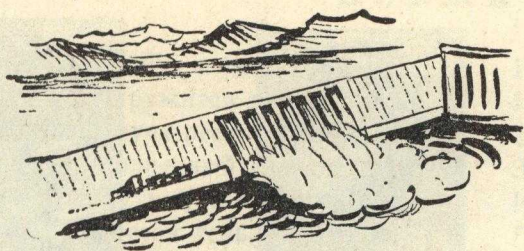
— Как полагаешь, Илья, правильно мы поступили, что не взяли женьшеня?

— Верно поступили, — твердо ответил Эпов.

— То-то, брат. Хуже воровства в тайге ничего нет.

И, снова сев на пенёк, Арсеньев продолжал прерванные записи.

...сто миллиардов тонн воды — вот какое огромное море будет возле Красноярской ГЭС. Это самое крупное на земле искусственное водохранилище.

...самый большой соляной бассейн тоже находится в Сибири. Он тянется на сотни километров.

...около городка Колпашева на берегу Оби недавно обнаружены крупнейшие залежи железа. Они в четыре с лишним раза больше, чем запасы железа у озера Верхнего (США), которое до сих пор считалось самым большим месторождением в мире.

...самая длинная на земном шаре железнодорожная магистраль — Москва — Владивосток — проходит через Сибирь. Ее длина равна расстоянию от экватора до полюса.

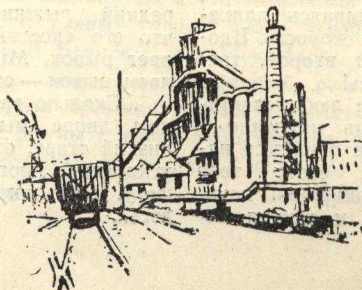
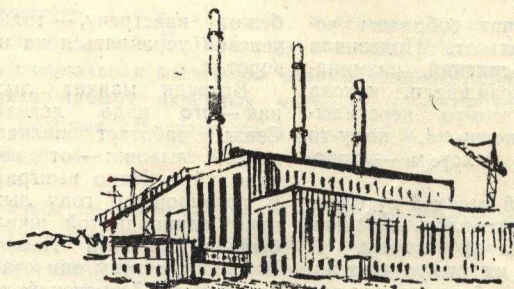
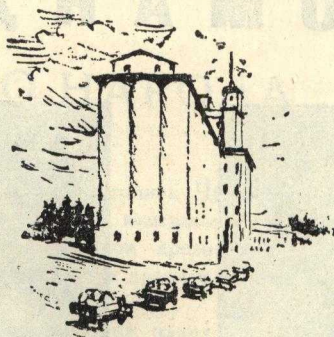
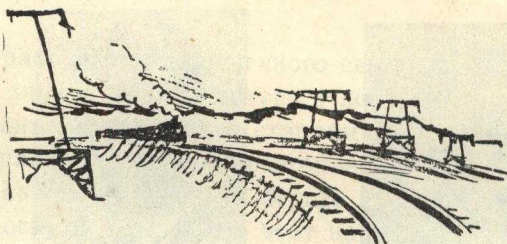
...элеватор в городе Омске — самый крупный в Европе и Азии.

...Коршуновский горнообогатительный комбинат в Сибири сможет перерабатывать в год 54 миллиона тонн горных пород, то есть больше, чем три крупнейших рудника мира — в США, Канаде и Чили.

...Красноярский алюминиевый завод даст самый дешевый в СССР алюминий.

...в молодом сибирском городе Ангарске построен цементный завод, крупнейший в СССР.

...район Камчатки занимает первое место в мире по добыче крабов.

КОМАНДА УПОРНЫХ

На старт собралось человек пятьсот. Подгоняли ремни креплений, разминались, спрашивали, какова лыжня, кто-то перекидывался снежками, кому-то кричали хором — торопили...

В этой веселой сутолоке совсем затерялись лыжники одиннадцатой школы. И все-таки их что-то выделяло. Может быть, то, что они были посерьезнее других, может быть, общее для всех них выражение скрытого упорства.

Старт! Первый лыжник, резко отталкиваясь палками, набирает скорость. Вдогонку уходит второй, третий. Началось!

Лыжня не любит лентяев. Ты идешь медленно — и она еле-еле движется навстречу. Но стоит тебе перейти на широкий нака-тистый шаг, и лыжня по-

бежит навстречу, — только успевай управляться на поворотах.

Впереди маячит лыжник — его надо догнать. Сзади работает палками другой лыжник — от него надо уйти. Надо выиграть. В позапрошлом году лыжники одиннадцатой школы были чемпионами Тюмени. В прошлом году они стали чемпионами Тюменской области. Теперь всесоюзные соревнования на приз «Пионерской правды». Только победить!

А ну, прибавим ходу. Передний лыжник слышит, что его «достають», он делает рывок. Мы тоже делаем рывок — сильнее.

...Сколько раз на школьном дворе мы повторяли низкий старт, отрабатывали ускорения, проносили эстафету. Вот когда пригодилось...

— Лыжню!

Он уступает лыжню. Он позади. Надо уйти от него и достать следующего.

Вот он, следующий. Попробуем обойти... Не получается. Скорость у него хорошая. Ладно, посмотрим, какая у него выносливость.

...В походы ходили всей лыжной секцией. Бегали кроссы. Как будто целый год заряжали, сжимали пружину. И теперь эта пружина распрямляется и бросает тебя вперед. Минута... Две... Передний лыжник сбавляет ход...

— Лыжню!

Он уступает лыжню. Пружина продолжает разворачиваться.

— Лыжню!

— Лыжню!

Где-то впереди и сзади идут ребята нашей команды. Сбавит ход один — тер-яет очки вся команда. Мы

вместе бегали кроссы и разучивали рывки, играли в волейбол и баскетбол, ла-зали на кручи и прыгали в высоту. Никто из нас не подведет товарищей!

...Финиш. Команда один-нанадцатой школы — снова лучшая в Тюменской обла-сти. Малый приз «Пионер-ской правды». Победа.

Про сибиряков говорят: упорный народ. Лыжники одиннадцатой — упорные ре-бята. Потому что сибиряки? Или потому что хорошие физкультурники?

Н. Елизева

Вот она, команда упор-ных. Слева направо: Петя Путров, Гена Шоро-хов, Толя Шешуков, Вова Барабанов, Сережа Кузь-мин, Вова Посохов, Толя Безносков, Коля Зотин.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Проснулось солнце. Луг в росе искрится,
Цветных пылинок кружится поток.
Расправив рыжие лучи-ресницы,
Глядит в окошко солнечный глазок.
И вот земля уже чуть-чуть согрета,
Длиннее, гуще делается тень,

Красноярский край,
Канская школа № 2, 7-ой класс

Играет россыпь солнечного света,
И, значит, новый наступает день.
Басит гудок, зовет к станкам рабочих,
Зарядкой школьник разгоняет лень.
И каждый листик на березе хочет
Проснуться первым в этот новый день.

Виталий Чистяков

ИСКУССТВО СЕВЕРНОГО НАРОДА

(К 4-ой странице обложки)

Триста с лишним лет назад казаки Семена Дежнева добрались до крайнего северо-востока Азии и основали острог на реке Анадырь.

Кругом тундра, редкие низенькие деревья, а вдоль берега моря — пустыня. Студеная, необозримая, но не безлюдная. Ее населяют племена бесстрашных охотников. Моржи и морские чудища — кит-рыба, — вот что составляет их промысел.

В далекой Руси, в ее белокаменной столице читали донесения отважных землепроходцев. О смуглых людях, мужественных, доверчивых и немногословных. Об их одежде из оленьих шкур, украшенных ярким орнаментом. Читали о выносливых и верных собаках, которые возят их по снежному бездорожью и об удивительной способности «чукоч» производить поделки из моржовой кости. И разглядывали, как диковинку, резные ножи, ладанки, фигурки охотников и оленей.

Так впервые попали во дворец русских царей изделия чукотских косторезов. Попали, чтобы остаться навеки, — как музейные ценности.

...Много тысяч лет назад поселились на севере племена охотников и оленеводов. Нужно было из чего-то строить жилища, заводить утварь. А вокруг — ни дерева, ни глины, — только тундра, редкие низенькие деревца, пустыня... Олений мех и кости убитых на охоте животных стали для чукчей единственными материалами.

Из китовых скелетов сооружались каркасы зимних жилищ. Из моржовых клыков вырезались орудия труда, утварь. Человеку хотелось украсить эти предметы, — и на рукоятке ножа появлялись орнаменты, фигурки людей и животных. Рождались дети, и отцы вырезали для них игрушки: оленьи и собачьи упряжки, охотничьи сценки...

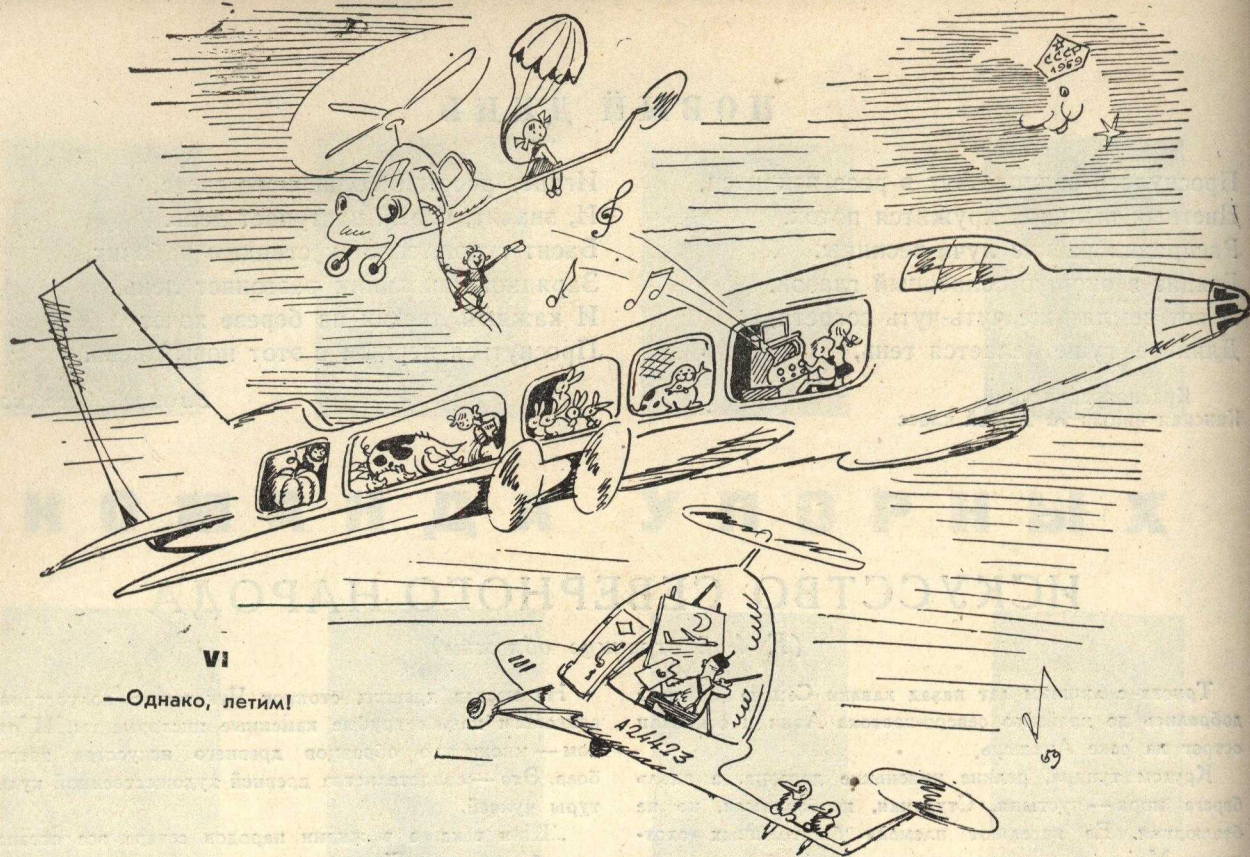
На местах древних стоянок Чукотского полуострова археологи нашли грубые каменные инструменты. И рядом — множество образцов древнего искусства зверобоев. Это — свидетельства древней художественной культуры чукчей.

...Шли века, а в жизни народов севера все оставалось без перемен. По-прежнему костяные игрушки с детства рассказывали маленьким чукчам о том, что их ждет впереди: оленьи упряжки, охота...

Но вот пришли новые времена. Из больших городов вернулись в родные селения знающие врачи и учителя, рассказывают людям о своем народе чукчи-писатели. Совершенно новое значение получило и старинное искусство чукчей. В 1931 году в поселке Уэлен открылась специальная мастерская резьбы по кости; она объединила лучших народных мастеров и стала школой для молодых. В мастерской появились женщины, — оказывается, они не хуже мужчин могут владеть резцом!

Резьба по кости — трудное искусство. Чукчи учатся ему с детства. Учатся владеть железным резцом. Изображать фигуры не застывшими, а движущимися, динамичными. Учатся цветной гравировке и резьбе, — ведь когда в линию гравировки втерты красная, черная и зеленая краски, работа становится более выпуклой и выразительной.

Много новых изделий из кости почвилось в музеях нашей страны. В разных городах люди украшают ими свои квартиры. В Брюсселе и в Нью-Йорке, на советских выставках, люди, как диковинки, разглядывали маленькие фигурки чукотских детей, идущих с портфелями в школу, шхуны с множеством парусов, охотничьи сценки. Разглядывали и дивились искусству далекого северного народа.

VI

—Однако, летим!

ПОПРОБУЙТЕ—ВКУСНО!

(К 3-ей странице обложки)

Пельмени — дело коллективное. Заниматься им лучше сообща, — один тесто режет на кусочки, другой фарш накладывает, третий мукой присыпает, четвертый варит... Так, по конвейеру, быстрее и веселее.

Соберитесь-ка звеном да устройте обед по-сибирски!

Возьмите для теста два яйца, стакан воды, чайную ложку соли, муку. Месите круто, так, чтобы к рукам не приставало. Потом раскатайте тонко — получится блин.

Из этого блина тонким станком нарежьте кружочки.

Теперь фарш. Пятьсот граммов говядины пропустите два раза через мясорубку, положите туда же крупную луковицу, тоже размолотую, посыпьте перцем, добавьте полстакана молока и яйцо, посолите, тщательно перемешайте. Тесто есть, начинка есть.

Теперь будем варить пельмени. — не все сразу, а тремя порциями, чтобы лучше проварились. Не забудьте посолить воду и ждите, пока закипит ключом.

Пельмени сами заявляют о том, что они сварились: всплывают. Но вы не торопитесь их вынимать, пусть еще минут десять поварятся...

Учтите, что из того количества продуктов, которое здесь указано, выйдет сто пятьдесят штук пельменей. Если вам покажется мало, — рассчитайте нормы сами, в зависимости от того, сколько вас будет за столом.

Прочитали рецепт? Аппетит появился?

Договаривайтесь с товарищами — и за дело!

Редактор Н. С. Юсарева

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставка, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор

А. А. Двораковская

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Корректор В. Г. Любицкая

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, Ж 3-23-63, комм. Ж 3-72-11, Ж 3-72-12.

М-46746.
Тираж 180 000 экз.

Подписано к печати 4/XI 1959 г.

Формат 84×108^{1/16}
Зак. № 704.

Печ. л. 8 + 2 вкл., 6,8 усл. печ. л., 8,8 уч.-изд. л.

Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

КТО Ж ПЕЛЬМЕНИ НЕ ОЦЕНИТ!

То ль в Игарке, то ль в Тюмени,
То ль на тихой Шиш-реке
Замесили на пельмени
Тесто в тесном чугушке.
Разобиделось тесто:
— Пожалели тесту места!
Для меня во всей Сибири
Не нашлось горшка пошире!
Соберусь-ка лучше в путь,
Да уйду куда-нибудь...

И сибирские пельмени
С тихоструйной Шиш-реки
Разбрелись тогда в селенья,
В города и в кишлаки.
В Красноярске их видали,
В Ашхабаде и в Чите,
На Кавказе, на Урале,
В Туле и в Алма-Ате.
В ярких платящих-обертках
Шли в Москву и в Ленинград,
Даже выставил в Нью-Йорке
Посетили, говорят!
Их повсюду люди ценят,
Говорят о них всегда:
— О! Сибирские пельмени!
Это да!

В. Суслов

Рисунок В. Травин

